
Пока осень помнит нас
Марк Вельт

Марк Вельт

Пока осень помнит нас

«Автор»
2026

Вельт М.

Пока осень помнит нас / М. Вельт — «Автор», 2026

Семь лет назад Марк Лебедев исчез из жизни Алисы Воронцовой, оставив её на вокзале с коротким сообщением: «Не жди меня. Прости». Теперь Алиса реставрирует книги в Петербурге и привыкла рассчитывать на себя. Когда Марк возвращается с потрёпанным томом, который она когда-то ему подарила, из старого переплёта извлекают письмо, адресованное ей.Их новая встреча заставляет обоих вспомнить то, о чём они столько лет молчали. Судьба старой книжной лавки вновь сводит их пути, но прошлое нельзя восстановить так же, как повреждённую книгу. Чтобы дать своей любви второй шанс, Алисе и Марку предстоит научиться говорить, слышать друг друга и выбирать собственное будущее.

© Вельт М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Книга с повреждённым корешком 6
2. Неподписанное письмо 12
3. Вокзал семь лет назад 17
4. Сухой лист 22
5. Магазин на Литейном 27
6. Дом, который слушает 32
7. Даниил не спрашивает 37
8. Неправильная реставрация 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Марк Вельт
Пока осень помнит нас

Марк Вельт
Пока осень помнит нас
Роман
AURELIA

1. Книга с повреждённым корешком

Октябрь в Петербурге не начинался внезапно. Он подходил к городу несколько недель: сначала темнело на четверть часа раньше, потом воздух становился влажным и металлическим, а однажды утром мостовая оказывалась усыпана листьями, будто деревья всю ночь переписывали свои письма и выбросили черновики.

Алиса Воронцова любила октябрь за честность. Он не обещал, что завтра будет тепло. Не говорил, что всё наладится, если переждать дождь. Просто приходил, занимал дворы и лестничные пролёты, заставлял искать перчатки и закрывать форточки. Дальше человеку приходилось решать самому.

В мастерской на третьем этаже старого дома на улице Маяковского было тихо, если не считать шороха бумаги и глухого гула труб. Алиса измерила температуру у окна: девятнадцать с половиной. Влажность — пятьдесят один процент. Она записала цифры в журнал, проверила показания второго прибора и только потом надела перчатки.

На столе лежал роман в тёмно-синем переплёте. Его принесли неделю назад из квартиры, где книги хранились возле батареи. Корешок распался на три части, нити ослабли, а бумага у сгиба пожелтела от сухого тепла. Хозяйка книги просила «сделать как было» к юбилею матери. Алиса объяснила, что прежний вид восстановить нельзя: слишком много утрачено, и любая новая работа оставит свой след. Заказчица всё равно попросила попробовать.

Алиса осторожно поднимала старую марлю тонкой костяной лопаточкой. Коснуться, подождать, приподнять на толщину волоса, проверить волокно. Она работала так медленно, что однажды клиент спросил, не делает ли она за день только одну страницу. Алиса ответила, что иногда одна страница и есть весь день.

— Ты сегодня снова будешь обедать воздухом? — спросила Лида, не отрываясь от стопки открыток.

Лида работала в соседней комнате, где пахло пылью и лимонным мылом. Она приходила три раза в неделю и помогала вести каталог мастерской. В её присутствии Алиса иногда вспоминала, что можно сидеть не только прямо, но и удобно.

— Я пила кофе.

— Это не еда.

— Там было молоко.

— Тогда это кофе с молоком, а не аргумент.

Лида пододвинула бумажный пакет. От него тянуло яблоком и корицей.

— Софья передала. Сказала, чтобы ты сегодня зашла за коробкой описей.

— Я зайду.

— Ты говоришь так, когда надеешься, что я перестану спрашивать.

Алиса улыбнулась краешком рта.

— А ты спрашиваешь до тех пор, пока я не перестану надеяться.

— Вот видишь. Мы обе умеем добиваться своего.

Лида вернулась к открыткам. Алиса откусила кусок пирога, и сладкая начинка прилипла к нёбу. Она проглотила, запила водой и снова наклонилась над книгой.

Телефон на подоконнике завибрировал. На экране высветилось имя заказчицы, принесшей роман.

— Алиса, добрый день. Я хотела уточнить: вы успеваете к пятнице?

Алиса взглянула на расписание. До пятницы оставалось четыре дня, но ей ещё нужно было снять повреждённый слой, укрепить сгибы тетрадей и подобрать кожу для корешка.

— Я говорила, что оценка займёт неделю.

— Мне очень нужно к семейному ужину. Мама будет расстроена, если книга не будет готова.

— Понимаю. Но если я сделаю быстрее, не успею проверить, как реагирует бумага. Переплёт может снова разойтись.

На другом конце линии вздохнули.

— Может, просто склеить? Никто не будет рассматривать.

Алиса посмотрела на раскрытый том. На полях сохранялись карандашные пометки прежнего владельца, почти стёртые, но всё ещё читаемые. «Никто не будет рассматривать» — такая фраза часто означала, что вещь переставали считать чьей-то историей.

— Если вам нужна только внешняя склейка, я не возьмусь. Я могу закончить работу к следующей пятнице или вернуть книгу сейчас.

— Вы не можете сделать исключение?

— Исключение будет за счёт прочности книги.

Пауза затянулась. Алиса слышала тихий шум кухни и голос ребёнка на заднем плане.

— Ладно, — сказала заказчица. — Тогда следующая пятница. Только позвоните, если что-то изменится.

— Позвоню.

Она завершила вызов и положила телефон экраном вниз.

— Ты могла бы просто сказать «нет», — заметила Лида.

— Я сказала.

— После четырёх объяснений.

— Значит, тренируюсь.

Лида усмехнулась и вернулась к открыткам. Её собственный телефон тихо звякнул. Она взглянула на сообщение, улыбнулась и перевернула экран к столу.

— Хорошие новости? — спросила Алиса.

— Пока не знаю. Мне предложили вести каталог в районной библиотеке. Несколько часов в неделю.

— Ты давно хотела вернуться к работе с фондами.

— Хотела. Но там руководительница, которая любит созывать совещания по любому поводу.

— А ты не любишь совещания.

— Я люблю людей, которые знают, чего хотят, до того, как созывают совещание.

Лида взяла открытку и стала рассматривать её на свету.

— Я, наверное, соглашусь. Не хочу опять ждать, пока подходящее время само меня выберет.

Алиса не сразу ответила. В её собственной жизни было несколько лет, когда она делала вид, будто не ждёт ничего, и называла это свободой. Она знала, что ожидание тоже может стать привычкой, даже если человек перестал проверять телефон.

— Тогда соглашайся, — сказала она. — А если совещаний будет слишком много, уйдёшь.

— Вот за это я тебя и ценю. Ты всегда предлагаешь крайний вариант.

— Я реставратор. Мы привыкли работать с тем, что можно сохранить.

— А что нельзя?

— То, что уже не держится.

Лида промолчала. Алиса услышала, как за окном рабочий уронил инструмент; металлический звук пролетел по двору и затих.

Снаружи рабочие чинили фасад противоположного дома. Через сетку лесов мелькали оранжевые куртки, лопаты и вёдра. Алиса наблюдала за ними, пока размягчался клей. На стене срывали старую штукатурку, и с каждым движением открывался новый слой кирпича. Иногда рабочие сбивали лишнее, и тогда приходилось заделывать повреждение заново.

Книга на столе напомнила ей о первом заказе, который она испортила. Ей было двадцать три, она ещё работала в библиотеке и помогала реставратору по выходным. Тогда Алиса слишком быстро размочила форзац, и тонкая бумага пошла пузырями. Старший мастер не повысил голос. Он просто показал, как волокна расходятся от избыточной влаги, а потом попросил её самой записать ошибку в журнал.

С тех пор Алиса сохраняла записи даже о простых операциях. Она не считала аккуратность врождённым качеством. Это была практика — замечать, когда рука торопится, и останавливаться прежде, чем движение станет необратимым.

Иногда ей хотелось, чтобы люди тоже приходили с журналом: вот что я сделал, где ошибся, что не могу исправить.

Она знала, как легко люди произносят «вернуть как было». Будто прошлое — единое состояние, а не множество слоёв. Будто под снятой заплатой не обнаружится ещё одна, а под ней — трещина, которую закрыли ради аккуратного вида. Книга не рассказывала мастеру, каким она была раньше. Она показывала то, что осталось.

Алиса вытерла шпатель, записала время и проверила корешок. Размягчение шло медленнее, чем она ожидала. Если поторопиться, бумага оторвётся вместе с тканью. Она уже собиралась продолжить, когда над входной дверью звякнул колокольчик.

— Мы закрываемся через десять минут, — сказала она, не поднимая головы.

— Мне хватит.

Алиса замерла. Она не сразу поняла, почему голос так резко изменил ощущение комнаты. Не потому, что громкий. Наоборот: тихий, немного хриплый, с привычкой смягчать последние слова, словно даже точка могла задеть собеседника.

Алиса медленно подняла глаза.

Марк Лебедев стоял в дверях. На плечах тёмного пальто блестели дождевые капли. Волосы намокли, у виска появилась тонкая седая нить, которой раньше не было. В руке он держал кожаную сумку. Возможно, ту самую, с которой когда-то ходил на занятия, а возможно, похожую. Память умеет выдавать сходство за доказательство.

Семь лет не сделали его чужим, но изменили: в движениях стало меньше поспешности, во взгляде — больше тяжести. Остался тот поворот головы, которым он слушал её, даже когда вокруг говорили другие.

Алиса сняла очки и положила их на стол. Руки не дрожали. Это было первое, что она заметила и за что могла себя похвалить.

— Здравствуй, Алиса.

Она провела большим пальцем по краю рабочей перчатки.

— Ты ошибся дверью. Здесь реставрируют книги, а не прошлое.

Марк чуть опустил голову. Не улыбнулся, не стал смягчать её фразу.

— Я знаю. Поэтому принёс книгу.

Он подошёл к столу только после её молчаливого кивка. Положил на чистую ткань свёрток и развернул его. Тёмно-зелёная обложка, потёртый угол, едва различимая золотая рамка. Книга, которую Алиса подарила ему в день его первого архитектурного конкурса.

Она помнила тот вечер: маленькая кофейня возле канала, мокрые зонты в подставке, её собственная нервозность перед тем, как вручить подарок. Марк тогда показал ей чертежи старого дома и объяснял, почему нельзя «обновить» здание, не поняв, как оно живёт. Алиса сказала, что это похоже на чтение: не начинать с вывода. Он рассмеялся, а потом долго не выпускал её руку.

Внутрь она вложила плоский кленовый лист из Летнего сада. Марк обещал хранить его, пока тот не рассыплется. Алиса не знала, что стало с листом. И не хотела узнавать.

— Оставь книгу и уходи.

— Хорошо.

Он не стал спрашивать, почему. Не попросил её выслушать. Не сказал, что всё объяснит. Просто кивнул и повернулся к двери.

— Марк.

Он остановился. Алиса не знала, зачем окликнула. Может быть, хотела дать ему шанс ошибиться, чтобы гнев снова стал простым.

— Зачем ты принёс её мне?

— Я вернулся в Петербург по проекту и разбирал коробки после переезда. Книга была среди вещей; влага повредила корешок. Мне нужно решить, что с ней делать до конца месяца. Я не знаю, кому ещё поручить её реставрацию.

— Ты не знаешь, как я работаю сейчас.

— Я знаю, что ты умеешь работать с переплётами. Я доверяю твоей работе.

— Семь лет назад ты тоже многое знал. Например, как уехать и ничего не объяснить.

Он побледнел. Или свет из окна стал холоднее.

— Да.

Одно слово. Ни болезни, ни больницы, ни объяснений, которые могли бы заранее оправдать его. Алиса почувствовала, как оно оставило ей меньше места для гнева, чем красивое признание.

— Оставь книгу. Я сообщу, когда решу, что с ней делать.

— Спасибо.

— Не за что.

Марк вышел. Колокольчик звякнул вторично, уже за спиной. Алиса сидела неподвижно, пока Лида не произнесла её имя.

— Ты в порядке?

— Конечно.

— Это не то, что я спросила.

Алиса опустила взгляд на книгу. На её обложке темнело пятно, которого она прежде не помнила.

— Нет. Но я могу закончить работу.

— Можешь. Только не обязана заканчивать сегодня.

— Знаю.

Лида не подошла ближе. Она умела не заполнять чужую тишину, и Алиса была благодарна ей за это. Снаружи машины рассекали лужи. Сквозь стекло виднелось, как рабочие сворачивают леса на противоположном фасаде.

Алиса открыла рабочую карточку и записала: «Переплёт: зелёная кожа, поздняя заплата, деформация корешка. Владелец просит оценить возможность реставрации». Она остановилась на слове «владелец». Это была нейтральная формулировка. Она не называла Марка по имени и не напоминала, что когда-то он знал, как она пьёт чай.

— Если не поедешь к Софье, я сама отнесу ей описи, — сказала Лида.

— Я обещала.

— Обещания можно переносить.

Алиса медленно сняла перчатки.

— Не все.

Лида посмотрела на неё, но не стала спрашивать, о каком обещании речь. Алиса закрыла журнал и надела пальто. Книга осталась под тканью, на отдельном столе. Она не прикоснулась к ней снова.

На улице дождь ослаб, но не прекратился. Алиса шла к Литейному, стараясь держать шаг ровным. В витрине булочной отражалось её лицо — уставшее, бледное, старше, чем она себя чувствовала. Ей вспомнилось, как в двадцать один год она стояла на вокзале с двумя стаканами кофе. Один был без сахара, для Марка. Второй — с молоком, для неё.

Она отвела взгляд от стекла и продолжила идти.

У букинистической лавки Софьи горел тёплый свет. На витрине лежали три книги с выцветшими корешками и фарфоровая чашка, которую никто не покупал пятый год. Софья говорила, что однажды чашка станет раритетом. Алиса отвечала, что тогда её придётся реставрировать.

— А, Алиса. Пришла выручать меня с описями? — сказала Софья, когда Алиса вошла.

— Ещё нет. Лида передаст завтра.

— Тогда ты пришла только посмотреть на меня?

— Я пришла забрать коробку описей.

Софья не улыбнулась. Она была маленькой, седой и прямой, в ярком шарфе с изображением осенних листьев. В шестьдесят семь она всё ещё сама поднимала тяжёлые коробки, даже когда могла попросить помочь.

— Ты видела Марка, — сказала Софья.

Алиса застыла, снимая перчатки.

— Значит, видела.

— Ты знала, что он вернулся?

— Я знала, что его пригласили на первичный осмотр здания. Не знала, что он принесёт тебе книгу.

— Почему ты не сказала мне, что он в городе?

Софья аккуратно сложила газету, лежавшую на прилавке.

— Я не была уверена, что он останется. Он появился на один технический обход вместе с управляющим и уехал. Потом вернулся уже с проектом. Я не хотела приносить тебе слух вместо факта.

— Можно было сообщить только факт: он в Петербурге.

Софья подняла глаза.

— Можно было. Прости.

Алиса не ответила. Под ногами поскрипывал пол. В лавке пахло бумагой, корицей и старым деревом. Здесь она проводила детство, пока её мать работала в библиотеке. Здесь познакомилась с Марком, когда он искал планы домов для университетской работы. Здесь впервые поняла, что книги требуют терпения дольше, чем люди готовы ждать.

— Он принёс ту зелёную книгу? — спросила Софья.

— Да.

— Я давно её не видела.

— Теперь она в мастерской.

— Ты возьмёшься за неё?

— Я ещё не решила.

Софья кивнула. Она потянулась к коробке с описями, но Алиса придержала её за край.

— Я сама.

— Хорошо.

Алиса вынесла коробку к прилавку. Коробка оказалась тяжелее, чем выглядела. Софья хотела помочь, но остановилась, заметив, что Алиса уже держит её двумя руками.

— Ты могла бы сказать мне раньше, — произнесла Алиса.

— Да.

— И не решать за меня, что мне лучше знать.

— Постараюсь.

— Не «постараюсь». Если что-то касается меня, скажи. Я сама решу, что с этим делать.

Софья задержала взгляд на её лице. Потом коротко кивнула.

— Скажу.

Алиса взяла коробку и поставила её у двери, чтобы легче было поднять на улицу. Она чувствовала, как под кожей на пальцах пульсирует усталость. Внутри неё уже поднималась новая злость — на Марка, на Софью, на себя за то, что любое его присутствие возвращало старые привычки.

На боковине коробки была старая наклейка с номером фонда. Алиса проверила, что край не отходит, и переписала номер в блокнот, прежде чем поднять коробку. Описная работа не была её обязанностью, но Софья не просила её оставаться после смены или отвечать за чужие книги. Алиса приходила, когда могла, и уходила, когда решала сама.

Но она не собиралась сегодня ни прощать, ни запрещать себе помнить.

Она задержалась у двери и посмотрела на коробку, на тусклое стекло, на тонкую полоску света под дальним стеллажом. В этой лавке всё было знакомым, но знакомство не означало, что ничего не менялось. Она просто заберёт описи, закончит работу и завтра сначала обследует зелёную книгу, не обещая владельцу полного ремонта.

2. Неподписанное письмо

Алиса пришла в мастерскую раньше Лиды. Утром в помещении пахло деревом, влажной бумагой и вчерашним чаем. Она включила лампу над столом, записала показания термометра и только потом подошла к зелёному тому.

Восемнадцать градусов. Влажность сорок девять процентов. Допустимо, хотя бумага предпочитала стабильность. Алиса сняла с книги защитную ткань и проверила, не изменилась ли форма корешка за ночь. Старая заплата держалась плохо. Её следовало удалить, но сперва нужно было понять, не прикрывала ли она более серьёзный разрыв.

Она разложила инструменты по порядку: тонкую кисть, шпатель, пинцет, промокательную бумагу, лупу. Руки успокаивались, когда предметы оказывались на своих местах. Это не было привычкой к контролю. Скорее способом напомнить себе, что не всё в жизни можно удержать, но некоторые вещи можно сделать аккуратно.

Старая кожа на корешке отходила неравномерно. Алиса размягчила клей через мембрану, проверяя каждые несколько секунд, как реагирует материал. Когда верхний слой поддался, она сняла его и обнаружила под ним тонкую полосу японской бумаги — след прежнего ремонта. Предыдущий реставратор работал бережно, но допустил ошибку: попытался скрепить разрыв и нанёс слишком много клея.

— Не лучшее, что мне приходилось видеть, — сказала она вслух.

— Ты разговариваешь с книгой? — спросила Лида, вошедшая с сумкой.

— С предыдущим реставратором.

— Он отвечает?

— Пока нет.

Лида поставила сумку, повесила пальто и посмотрела на стол.

— Ты взялась за неё.

— Это моя работа.

— Конечно.

В голосе Лиды не было упрёка. Только осторожность. Алиса посмотрела на неё и вдруг разозлилась, что даже здесь все видели в книге не книгу.

— Я не собираюсь разбирать её на части из-за того, кто её принёс.

— Я ничего такого не сказала.

— Но подумала.

— Подумала, что ты можешь уйти домой, если не захочешь продолжать. Это не одно и то же.

Алиса выдохнула. На поверхности стола лежала тонкая полоска снятой кожи. Её можно было использовать как закладку, но она уже не несла никакой нагрузки.

— Прости. Я плохо спала.

— Понимаю.

Лида не спросила почему. Она села за открытки и включила тихую музыку. Алиса вернулась к книге.

Когда верхний слой был удалён, под ним обнаружился более старый форзац — бумага с водяным знаком и рельефной фактурой. Он не был частью оригинального переплёта, но выглядел аккуратнее позднего ремонта. По краю шёл след от клея, чуть шире обычного. Алиса решила снять форзац, чтобы проверить состояние внутреннего сгиба. Она добавила влагу маленькой губкой и выждала, пока клей ослабнет.

Бумага отходила медленно. На середине разворота лезвие шпателя встретило что-то плотное. Алиса остановилась, изменила угол, осветила участок под лампой. Между слоями лежал конверт.

Она не сразу коснулась конверта. Бумага была тонкой, пожелтевшей по краям, вдавленной в форзац так, словно её положили туда и потом долго прижимали книгой. На лицевой стороне синими чернилами было написано одно слово: «Алиса».

Почерк она узнала. Длинная нижняя черта у «д», незакрытая петля в «а». Марк писал так всегда — небрежно, но разборчиво. Когда она помогала ему собирать макет, он подписывал стаканчики с пигментами, чтобы она не перепутала оттенки; однажды назвал их «Алиса-серая» и «Марк-синяя» и целую неделю не признавался, что сделал это намеренно. На титульном листе зелёной книги он вывел её имя, хотя она просила оставить страницу чистой. «Надпись — это след того, кто держал книгу», — сказал он тогда.

Теперь знакомый наклон букв был не милой подробностью. Конверт находился внутри форзаца, а значит, его не просто забыли между страницами. Кто-то вложил его туда во время ремонта или до него. Алиса не знала когда и не позволила себе угадывать.

— Что там? — спросила Лида.

— Письмо.

— Из книги?

— Похоже на то.

Лида принесла чистый лист картона и молча положила его рядом. Алиса кивнула. Край конверта входил в структуру форзаца: вытянуть его означало порвать вместе с тонкой бумагой. Она смочила мембрану, подождала, сменила её на сухую. Клей поддавался неравномерно. В одном углу, под конвертом, проступил карандашный номер страницы.

— Может, лучше позвать владельца? — спросила Лида.

Алиса не ответила. Имя было написано для неё. Она не знала, кому принадлежало право решать, что делать с письмом, — владельцу книги или адресату. Вероятно, обоим.

— Я сначала должна его стабилизировать, — сказала она. — Потом сообщу Марку, что нашла.

— Будешь читать?

— Не знаю.

Они продолжили работу. Лида придерживала лист картона, а Алиса постепенно отделяла конверт, отмечая на схеме его положение и линии старого клея. Она сфотографировала разворот до отделения, записала номер страницы и время каждого увлажнения. Только когда бумага освободилась, Алиса перенесла её на чистую ткань.

— Это личное, — сказала Лида.

— Да.

— Ты не обязана читать его только потому, что нашла.

Алиса посмотрела на адрес. Ей хотелось немедленно развернуть бумагу, но такое желание не было согласием. Она положила конверт в защитный лоток и внесла в карточку: «Личное письмо, адресовано реставратору. Отделено при обследовании форзаца. Владельцу сообщу после стабилизации».

Последние слова она написала карандашом, не чернилами. Решение ещё можно было изменить.

Она набрала Марку: «В книге нашла конверт, адресованный мне. Стабилизирую бумагу. Напишу после того, как решу, что делать с письмом». Прочла сообщение дважды и стёрла. Сейчас он мог ответить вопросом, просьбой или предложением зайти. Алиса не была готова ни к одному из них.

— Я сообщу утром, — сказала она. — Сегодня не хочу вести ещё один разговор.

— Тогда не веди.

Это прозвучало не как разрешение, а как простое признание её выбора.

В обед Лида сходила за супом. Алиса осталась в мастерской. Несколько раз она ловила себя на том, что смотрит на конверт. Потом переворачивала лист с карточкой или делала вид, что ищет нужную линейку.

К половине третьего позвонила заведующая маленькой районной библиотекой. Алиса раньше только переписывалась с ней: библиотека хотела передать в мастерскую детский атлас с оторванным корешком. Заведующая прислала фотографию; по ней Алиса видела только повреждённый корешок и не могла оценить внутренние тетради. Она сказала, что назовёт срок после осмотра. Женщина спросила, нельзя ли просто укрепить корешок и вернуть атлас в прежний вид.

— Наружной склейки может оказаться недостаточно, — ответила Алиса. — Точнее я скажу только после осмотра.

— А если сделать быстро? Его нужно вернуть детям к следующей неделе.

— Сейчас я не смогу взять новый заказ, не нарушив срок уже принятой работы. Могу записать вас на следующий месяц или дать контакты коллеги.

Заведующая помолчала, потом попросила номер коллеги. Алиса записала его на листке и продиктовала медленно. Только после того как женщина повторила цифры, Алиса завершила звонок. Сердце билось чуть быстрее. Ей было трудно отказывать людям, которым срочно нужна помощь. Но она знала цену чужой спешке и не хотела снова соглашаться на то, что потом пришлось бы исправлять.

Она внесла в блокнот: «Атлас — коллега И. Р. позвонить через месяц». Потом перечеркнула «позвонить»: это была просьба библиотекаря, а не её обещание. Вместо этого записала номер женщины рядом, чтобы не потерять его. Простое различие между просьбой и обязательством неожиданно показалось ей важным. Она дописала рядом: «срок принятого заказа — следующая пятница», чтобы заказчица не потерялась в списке. Потом вернулась к конверту, проверила, не отсырел ли картон, и перенесла его под настольную лампу, где могла наблюдать за высыханием, не трогая бумагу.

Лида поставила перед ней тарелку.

— Ты сегодня дважды сказала «нет» людям, которым обычно говоришь «да».

— Я устала.

— Может, это тоже полезный навык.

Алиса съела несколько ложек. Суп был горячим, солоноватым, с большим количеством картофеля. На улице шел дождь. По стеклу мастерской медленно ползла капля.

После обеда она принялась за мелкие надрывы на страницах. Делала работу медленнее обычного, но не ошибалась. К пяти часам конверт был достаточно стабилен, чтобы его можно было открыть, не разорвав край. Алиса могла отдать его Марку. Могла оставить в книге до завершения ремонта. Могла спросить, хочет ли он присутствовать.

Она могла сделать всё, что угодно, кроме одного: не узнать, что в нём написано.

В шесть Лида ушла. Алиса заперла входную дверь и включила настольную лампу. За стеной кто-то передвигал мебель. Она слышала короткие удары и скрип по полу.

Конверт лежал на чистой ткани. Теперь она могла различить дату. Семь лет назад. Та самая неделя, когда Марк собирался уехать на конкурс в Москву, а они договорились встретиться на вокзале после её смены. Алиса тогда не знала, что в тот вечер его планы изменились.

В памяти вспыхнуло табло вокзала и сообщение, пришедшее поздно вечером: «Не жди меня. Прости». Алиса помнила, как холодел бумажный стакан в ладонях. Она отодвинула воспоминание: полную сцену она уже не раз проживала про себя и не нуждалась в том, чтобы снова разбирать её по минутам. Тогда она ещё считала, что должна найти причину; позже решила, что причина не изменит поступка.

Она взяла маленький нож и надрезала край конверта там, где не было адреса. Внутри оказался лист, сложенный вчетверо. Бумага была тонкой, но сохранилась хорошо. Первые строки написаны аккуратно, дальше почерк торопился и местами расплывался.

«Алиса, если я не приеду, пожалуйста, не думай, что перестал тебя любить. Я просто не знаю, как рассказать тебе о том, что случилось».

Она остановилась. Прочитала строку ещё раз. Потом перевела взгляд на форзац, из которого достала письмо. Ей хотелось вернуть лист на место — не потому, что он принадлежал книге, а потому что она не была готова продолжить.

Но письмо уже было открыто.

«Маму увезли в больницу сегодня утром. Врачи переводят её в клинику в Москве, и я еду с ней ночным поездом. Лечение нужно начинать сразу. Я думал, успею вернуться и объяснить тебе сам, но всё меняется быстрее, чем я понимаю. Я не знаю, сколько это займёт. Не хочу, чтобы ты ждала меня. И не могу написать, что всё будет хорошо, потому что не знаю. Прости, что говорю это так. Я боюсь, что если услышу твой голос, не смогу уехать».

Теперь стало ясно: Марк не сел на поезд к конкурсу. Он ехал с матерью, а Алиса ждала его в другом конце того же вокзала, не зная, что их планы изменились. Ниже шли несколько строк, которые расплылись в пятно. Алиса осторожно наклонила лист, но чернила были повреждены водой. Она смогла разобрать только начало: «Я хотел бы…» Дальше — пустое место, потом подпись: «Марк».

Она положила письмо на стол. Внутри стало тихо — не спокойно, а именно тихо, как бывает после того, как в соседней комнате падает тяжёлый предмет и все ждут, последует ли за ним ещё что-нибудь.

Мать Марка болела. Он уехал с ней. Он написал письмо. И всё же не отправил его.

Алиса перечитала строки ещё раз, теперь уже не выискивая скрытую просьбу, а проверяя, не смазались ли чернила окончательно. Она положила лист под боковой свет. В нижнем углу было водяное пятно, но плесени не видно; края оставались сухими, бумага не крошилась. Любое увлажнение могло окончательно размыть синие чернила. Она решила не пытаться восстановить нечитаемую строку. Не всё повреждённое нужно заставлять говорить.

В рабочей карточке она отделила состояние письма от состояния переплёта. Для книги требовалось продолжить реставрацию после согласования с владельцем. Для письма — только сухое хранение и защита от света. Алиса не стала склеивать надрыв на конверте: его можно было укрепить позже, если она решит сохранить его вместе с листом.

Она понимала, что профессиональная последовательность даёт ей время, но не могла назвать это уловкой. Сначала она отвечала за бумагу, затем за решение адресата. На этот вечер обе обязанности требовали одного: не торопиться.

Она не знала, как долго он пробыл в больнице, что именно произошло, почему не позвонил позже. Письмо не объясняло семь лет. Оно объясняло один вечер и открывало десятки новых вопросов.

За окном прозвенел трамвай. Алиса сложила лист по старым сгибам и убрала в конверт. Она не могла вернуть его в книгу, пока не завершила обследование. Не могла отдать Марку, пока не решила, что сказать. Не могла выбросить.

Перед уходом Алиса сфотографировала письмо с обеих сторон и запечатала его в бескислотный конверт. На внутренней карточке она написала: «Вскрыто адресатом после стабилизации; оригинал не реставрировать без отдельного согласия». Она задержала ручку над словом «адресатом». Оно было точным и всё равно не помогало решить, кому принадлежала следующая фраза.

Книга оставалась на столе открытой, прикрытой защитной тканью. Алиса проверила, что отопление не направлено на неё, убрала острые инструменты и только потом заперла мастер-

скую. Ритуал не вернул ей спокойствие, но удержал вечер от распада на одни лишь вопросы. Она проверила замок дважды, прежде чем убрать ключ в карман.

Она выключила лампу и вышла из мастерской. На лестнице было темно. Алиса включила фонарик на телефоне, спустилась, вышла на улицу и остановилась под козырьком. Дождь продолжал идти, хотя прогноз обещал, что к вечеру он закончится.

Она набрала номер Софьи по памяти.

— Ты знаешь, что случилось с матерью Марка? — спросила она, когда та ответила.

На другом конце повисла пауза.

— Знаю, что она была больна.

— Ты знала, что он уехал с ней в ту ночь?

Ещё одна пауза — короткая, но достаточная.

— Да.

Алиса почувствовала, как пальцы сжались вокруг телефона.

— Ты знала и ничего мне не сказала?

— Он попросил меня не говорить, пока сам не поговорит с тобой.

— Он не поговорил.

— Нет.

— А ты не подумала, что я имею право знать?

— Подумала. Я ошиблась.

Софья не оправдывалась. Это не уменьшало злость, но лишало её удобной мишени. Алиса закрыла глаза. Дождь стучал по козырьку, и каждый удар звучал отдельно.

— Я не могу сейчас обсуждать это.

— Не нужно. Если захочешь, я буду здесь.

Алиса завершила звонок. В кармане лежал листок с номером мастерской, рядом — ключи и сложенный чек за чай. Всё обыкновенное продолжало существовать.

Она дошла до остановки и села в трамвай. В стекле отражалось её лицо, поверх него двигались огни улицы. На следующей остановке вошёл мужчина с большим букетом хризантем. Он держал цветы так осторожно, словно боялся, что дождь испортит не лепестки, а намерение.

Алиса подумала, что письмо не было просьбой вернуться. Оно было всего лишь правдой, которую ей не дали вовремя. Теперь она знала больше, но не чувствовала себя ближе к Марку.

Дома она не включила верхний свет. Поставила чайник, сняла пальто и села за стол. Письмо лежало в сумке, в папке для документов, между чистыми листами картона. Она могла достать его, но не стала.

Вместо этого написала на листе: «Он уехал, потому что мать была больна. Он не сообщил мне. Софья знала и молчала. Это правда. Остальное я пока не знаю».

Она перечитала записи. Добавила внизу: «Правда не отменяет выбора».

Эта фраза не принесла облегчения, но хотя бы принадлежала ей.

3. Вокзал семь лет назад

Воспоминания не возвращались целыми днями. Они приходили отрывками, будто кто-то распахивал дверь в холодный подъезд и тут же захлопывал. Алиса могла вспомнить серый свет вокзального зала, но не цвет шарфа. Могла вспомнить, как держала два бумажных стакана, но не помнила, что было написано на табло.

Ей было двадцать один. Она заканчивала учебную практику в библиотеке и считала, что взрослость начинается с самостоятельного расписания. Утром — занятия, днём — работа с книгами, вечером — Марк, если ни у кого из них не случалось срочного дела.

Он был на три года старше и уже умел делать вид, будто у него есть план. На самом деле планы у него менялись каждый месяц. То он собирался работать в мастерской при университете, то хотел уехать на стажировку, то говорил, что останется в Петербурге и будет восстанавливать старые дома. Алиса любила слушать, как он строит будущее из предположений. Ей казалось, что пока он делится ими, она уже присутствует в них.

Они встретились в букинистической лавке Софьи, когда Алиса искала для практики книгу с повреждёнными иллюстрациями, а Марк чертил план старого дома на обороте чека. Он спросил, почему она не выбросила страницу с разрывом. Она ответила, что разрыв не делает её бесполезной. Марк посмотрел на её руки, испачканные краской для переплёта, и сказал, что хотел бы научиться смотреть на здания так же внимательно.

Тогда ей понравилось не то, что он заметил её работу, а то, что не назвал её милым хобби. Он задавал вопросы. Запоминал ответы. Через несколько недель стал приносить в мастерскую чай и оставлять на столе, не дожидаясь, пока она поблагодарит. Иногда они виделись только между её сменой и его лекцией. Иногда шли через весь центр пешком, потому что ни один не хотел первым сказать, что пора домой.

К тому октябрю Алиса уже привыкла, что они строят планы вслух. Не официальные — не договор о будущем, а маленькие вещи: посмотреть выставку, съездить к заливу, помочь ему с макетом, выбрать книгу к его дню рождения. Она не считала, что их жизнь обязана идти по одному маршруту. Но считала, что если маршрут изменится, они скажут друг другу об этом.

Накануне отъезда они разговаривали по телефону. Марк жаловался, что преподаватель перенёс просмотр проекта и ему придётся провести ночь над чертежами. Алиса спросила, нужно ли принести ему еду на вокзал. Он ответил, что не надо, но добавил: «Если успеешь после работы, просто побудь со мной до посадки». Она сказала, что успеет.

В день отъезда они договорились встретиться на Московском вокзале. Марк должен был уехать на несколько дней, чтобы представить проект на конкурсе. Алиса закончила смену в семь и сразу поехала к нему. Она взяла кофе без сахара, хотя он обычно предпочитал чай. На вокзале было многолюдно, пахло мокрой одеждой и пыльными нагревателями.

Она выбрала место у табло, чтобы Марк увидел её сразу. Рядом стоял столб с картой поездов, на стекле кто-то оставил отпечаток ладони. Алиса поставила стакан на край сумки и расстегнула пальто: в зале было душно. Она представляла, как он появится со своей сумкой, извинится за опоздание, и они успеют поговорить до посадки.

Первый час она не волновалась. Марк мог застрять в метро, мог забыть зарядить телефон, мог задержаться на встрече с преподавателем. Она написала ему, что пришла. Потом ещё раз — что стоит у табло. Сообщения оставались непрочитанными.

Она позвонила. Автоответчик.

Второй кофе она не покупала. Первый остыл у неё в руках. Когда объявили посадку на поезд, Алиса решила, что Марк уже в вагоне и не услышал телефон. Тогда она обиделась — не сильно, по-молодому, с уверенностью, что завтра он всё объяснит и они посмеются.

В 23:47 экран загорелся.

«Не жди меня. Прости».

Она перечитала сообщение. Сначала подумала, что оно отправлено не ей. Потом — что это шутка. Потом поняла, что в зале вокруг неё никто не знает, что её жизнь только что изменила направление.

Она набрала его номер. Телефон был выключен. Алиса ещё постояла перед табло, хотя поезда уже отправлялись. Сотрудница в форме подметала возле автомата с напитками. Кто-то у выхода говорил по громкой связи, перечисляя фамилии и время прибытия. Вокзал продолжал работать так, будто здесь ничего не произошло.

Она написала Марку ещё раз: «Я не понимаю. Просто скажи, что случилось».

Ответа не было.

В метро она выбрала место у окна, хотя поезд шёл под землёй. В отражении стекла лица пассажиров накладывались друг на друга. Алиса поймала себя на том, что придумывает объяснения: он испугался, потерял билет, поссорился с кем-то, передумал уезжать. Любой вариант казался лучше короткой фразы, потому что у варианта было продолжение.

Утром она проснулась раньше будильника и первым делом проверила телефон. Экран был пуст. В мастерской она уронила костяную лопаточку и долго искала её под столом, хотя видела, куда та упала. Коллега спросила, не заболела ли она. Алиса ответила, что плохо спала.

В обед она позвонила Марку. Телефон снова был выключен. Написала: «Что случилось?» Через два дня: «Я не понимаю». Сообщения доставлялись, но не показывали прочтения. Через неделю она написала длинное письмо на бумаге. В нём сначала старалась звучать спокойно, потом злилась, потом извинялась за злость. В последнем абзаце спросила, хочет ли он, чтобы они расстались.

Она не отправила письмо. Сложила его и спрятала в ящик письменного стола. Ей казалось, что если написать ещё одно, она начнёт просить о том, чего не хотела просить.

Алиса помнила тот разговор в лавке почти так же ясно, как сообщение на телефоне. Она пришла за книгой, которую оставила у Софьи для практики. Софья стояла за прилавком и складывала квитанции в папку.

— Ты знаешь, где он? — спросила Алиса.

Софья перестала перебирать бумаги.

— Он уехал из города.

— Куда?

— Не знаю.

— Ты с ним говорила?

Софья помолчала, потом сказала, что Марк попросил не сообщать Алисе, где он и как с ним связаться. Это была точная формулировка, но тогда Алиса услышала в ней только подтверждение: Марк не хотел, чтобы она его искала.

— Он попросил тебя передать что-нибудь ещё?

— Нет.

— Тогда почему ты говоришь мне это сейчас?

— Потому что не хочу, чтобы ты продолжала ждать у телефона.

Алиса не могла понять, была ли это забота или усталость от её вопросов. Она забрала книгу и ушла, не попрощавшись. На улице несколько минут шла в сторону метро, потом развернулась и пошла обратно, но в лавку не вернулась.

После этого она перестала писать Марку. Не потому, что перестала хотеть ответа. Просто поняла, что каждое новое сообщение отдаёт часть её жизни человеку, который решил не отвечать.

В тот день она вынула из ящика бумажное письмо, которое так и не отправила, перечитала его и убрала в коробку с конспектами. На работе попросилась на дополнительную смену, чтобы помочь разобрать книги после переезда отдела. Коллеги спорили, в каком порядке ста-

вить словари, и Алиса впервые за долгое время спорила вместе с ними, а не проверяла экран под столом.

Вечером она шла домой через Сенную. У перехода купила каштаны у женщины в вязаной шапке и обожгла пальцы, пытаясь очистить их на ходу. Каштаны были слишком горячими, чтобы держать, и слишком маленькими, чтобы стать ужином. Она всё равно съела их по дороге.

Следующей весной Алиса нашла объявление о стажировке в мастерской при городской библиотеке. Она собиралась пройти мимо, но вернулась к доске объявлений и переписала адрес на ладонь. В ту неделю она отправила заявку, а потом трижды проверила электронную почту, прежде чем поняла, что ждёт не только ответа из мастерской.

На собеседовании заведующая отделом спросила, зачем Алиса хочет заниматься реставрацией.

— Мне нравится работать с книгами, — ответила Алиса.

— Это понятно. А почему именно с повреждёнными?

Она подумала, что можно сказать про уважение к истории, про важность доступа к фондам. Всё это было правдой, но не всей.

— Потому что они не становятся бесполезными, когда ломаются.

Заведующая подняла глаза от анкеты, но ничего не прокомментировала. Она показала Алисе стол, где лежал детский атлас с оторванной обложкой. На одной странице кто-то обвёл карандашом остров и написал рядом: «Здесь я буду жить».

— Попробуй закрепить сгиб, — сказала заведующая. — Не нужно делать красиво. Нужно сделать так, чтобы страницу можно было читать дальше.

Алиса боялась испортить лист. Первая заплата легла неровно. Она заметила это, сняла её и начала заново. Через час страница держалась, но линия сгиба оставалась заметной.

— Всё равно видно, — сказала Алиса.

— Конечно. Ты не стираешь то, что с ней случилось.

Это было первое объяснение работы, которому Алиса поверила.

Через несколько дней заведующая предложила ей выбрать между дополнительными часами в каталоге и стажировкой у реставрационного стола. В каталоге платили больше и обещали постоянное место. Стажировка была неполной, без гарантии продолжения. Алиса попросила сутки подумать, а вечером пересчитала деньги на аренду комнаты и проездной.

На следующее утро она пришла раньше смены и сказала, что выберет мастерскую. Заведующая предупредила, что ей придётся сократить расходы и брать вечерние подработки. Алиса кивнула. Это был не красивый выбор между призванием и спокойствием: она просто предпочла риск, который сама понимала, ожиданию, которое не могла контролировать.

В тот же вечер она отказалась от двух походов в кино и от нового пальто, которое присмотрела на распродаже. На обороте календаря записала расходы на месяц и оставила свободным только один вечер в неделю. Когда подруга спросила, не слишком ли это дорого обходится, Алиса ответила, что пока может себе позволить попробовать. Она попросила подругу не убеждать её передумать, а помочь найти вечернюю подработку.

Она попала на стажировку. Первые месяцы ей давали простые задачи: сортировать листы, очищать переплёты, вести журнал температуры. Иногда она делала ошибки. Один раз слишком сильно натянула нить и деформировала тетрадь. Другой раз поставила книгу сушиться у окна и потом несколько дней выравнивала покоробившиеся страницы под прессом.

Она записывала каждый промах. Не потому, что боялась наказания, а потому, что хотела понимать, что именно сделала. В мастерской не нужно было угадывать, почему молчит человек. Материал показывал последствия прямо: бумага вспучилась, клей пожелтел, шов ослаб.

На одной из первых смен она впервые работала вместе с Лидой. Тогда Лида была внештатным каталогизатором и пришла в мастерскую с коробкой книг, на которой сломалось дно. Алиса бросилась подхватывать тома, а Лида придержала коробку коленом.

— Не тяни всё сразу. Выбирай, что можно удержать.

— А остальное?

— Попросим ещё пару рук.

Алиса позвала заведующую. Они распределили книги по стопкам и перенесли их на стол, не уронив ни одной. После смены Лида предложила чай из автомата и спросила, почему Алиса всё время берёт на себя самые хрупкие вещи.

— Потому что я умею с ними обращаться.

— Уметь не значит делать одной.

Алиса тогда не ответила. Несколько лет спустя она вспомнила эту фразу, когда Лида молча пододвинула картон к письму между форзацами. В тот вечер на вокзале Алиса ещё не знала, что ей предстоит учиться просить о помощи. Но уже начала выбирать работу, в которой чужая осторожность не считалась слабостью.

Через год Алиса уже сама принимала мелкие заказы. Однажды библиотекарь принесла ей книгу своего отца и попросила убрать следы ремонта. Алиса отказалась снимать старую заплату: под ней мог рассыпаться край листа. Заказчица была недовольна. Алиса объяснила риск и предложила оставить след видимым, укрепив его с обратной стороны.

Книга вернулась на полку с неровным краем. Библиотекарь потом сказала, что отец всегда чинил вещи сам и наверняка одобрил бы такую работу.

Алиса не думала, что выбрала профессию ради Марка или вопреки ему. Она просто заметила, что у неё получается оставаться рядом с повреждённой вещью, не требуя, чтобы та стала новой.

В настоящем Алиса сидела в мастерской перед раскрытой зелёной книгой. Теперь, спустя семь лет, она знала, что мать Марка была больна. Знала, что он написал письмо и спрятал его в книге. Не знала, почему не позвонил после. Не знала, почему позволил ей годами верить, что она была для него слишком маловажной, чтобы получить объяснение.

Она не собиралась принимать его объяснение за извинение.

Наутро Алиса открыла мастерскую и позвонила Марку. Номер был указан в карточке заказа — он оставил контакты для оплаты и согласования работ.

— Это Алиса.

— Я понял.

— Нашла письмо в форзаце. Оно адресовано мне.

— Да.

— Ты знал, что оно там?

— Нет. Я думал, что потерял его до отъезда.

— Почему положил в книгу?

Он помолчал.

— Я написал его в ту ночь. Потом решил, что отправлю, когда буду уверен, что всё объяснил. Книга была у меня в сумке. Наверное, я засунул письмо между страницами и забыл. Я не уверен.

— Ты не отправил его семь лет назад, потому что забыл его в книге?

— Нет. Я не отправил его, потому что не хотел разговора, которого боялся. Книга — просто место, куда я убрал бумагу в тот вечер.

Это было первое объяснение, которое звучало как факт, а не попытка подобрать красивую версию.

— Я прочитала.

— Я понимаю.

— Не понимаешь. Но это неважно.

Она услышала, как он тихо вдохнул.

— Ты хочешь, чтобы я забрал письмо?

— Оно твоё. Но пока останется у меня. Мне нужно решить, что с ним делать.

— Хорошо.

— И не приходи без предупреждения.

— Не буду.

— Если захочешь поговорить, сначала напиши.

— Хорошо.

Алиса закончила звонок. Никакого облегчения. Только новый факт, занявший место рядом с прежними.

Она вернулась к книге. В карточке заказа она зачеркнула «передать владельцу после согласования» и написала: «Письмо отделено от переплёта, помещено в бескислотный конверт. Не передавать без решения адресата».

Лида, пришедшая позже, прочитала запись.

— Ты оставляешь его у себя?

— Пока.

— Ты хочешь его увидеть?

Алиса подумала.

— Я хочу перестать решать всё по тому, чего боюсь.

— Это не ответ.

— Это пока единственное, что у меня есть.

Лида сняла пальто и повесила его на крючок.

— Тогда пусть пока будет так.

За окном дождь стал слабее. На крыше напротив рабочий складывал инструменты в ящик. Алиса смотрела на него, пока не поняла, что больше не видит его движения. Потом взяла кисть и продолжила очищать форзац. Бумага медленно отделялась от переплёта.

Она наносила раствор тонкой полосой, не заходя на печатный блок. Через несколько минут край бумаги отстал ровно настолько, чтобы не порваться. Лида подержала промокательный лист, а Алиса поправила положение лампы. Они не обсуждали звонок. Работа требовала обеих рук и общего внимания; на этот час этого было достаточно.

Она не знала, что будет делать с Марком. Но знала, что не обязана решать это сегодня.

4. Сухой лист

В течение следующих трёх дней Алиса не перечитывала письмо и не возвращалась к его словам. Она закончила обследование зелёной книги, измерила переплёт, отметила старую заплату и сделала снимки каждого повреждения. Под кожаной крышкой нашлась тонкая трещина, которую можно было укрепить без замены всего корешка. Бумага тетрадей держалась лучше, чем казалось сначала. Реставрация была возможна, но требовала времени и письменного согласия владельца.

В первый день она распечатала снимки и разложила их на большом столе. На одном свет падал под углом, отчего трещина казалась глубже; на другом край кожи скрывал начало разрыва. Алиса перепроверила линейкой масштаб, подписала файлы и внесла в карточку не предположение, а то, что могла подтвердить: влажное повреждение, отставание кожи, деформация сгиба. Рядом оставила пустую строку для состояния нитей — его можно было установить лишь при работе.

Потом позвонила в переплётную мастерскую, где заказывала японскую бумагу. Нужный сорт был в наличии, но поставщик предупредил: следующая партия придёт не раньше чем через месяц. Алиса отложила два листа в резерв и записала номер партии в журнал. Если понадобится укрепление тетрадей, совпадение оттенка будет заметно только вблизи, но она предпочитала знать это заранее. Работа с чужой вещью начиналась задолго до клея и иглы: с границы между тем, что видно, и тем, чего пока нельзя обещать.

К вечеру третьего дня у неё были два варианта сметы. Она перечитала оба, вычеркнула слово «восстановление» из заголовка и заменила на «предварительная оценка состояния». Точный термин не делал бумагу крепче, зато не создавал ложного ожидания. Подписанный заказ-наряд будет разрешать только те работы, которые в нём перечислены. Остальное требовало отдельного разговора.

Она закрыла папку, но через несколько минут открыла снова и добавила внизу номер телефона и адрес электронной почты для согласования. Раньше Алиса считала такие строки избыточными: заказчик и так знал, как её найти. Теперь они казались частью работы. У договора должен быть понятный путь для решения, которое ещё не принято. Иначе молчание слишком легко принять за согласие — или за отказ.

На третий день, когда мастерская уже закрывалась, телефон коротко завибрировал.

«Можно зайти узнать, как продвигается работа? Если неудобно, перенесу». Сообщение пришло с номера из карточки заказа.

Алиса прочитала его, положила телефон экраном вниз, потом снова взяла. Она не была обязана отвечать сразу. Но отказать только потому, что боялась встречи, тоже было бы решением, принятым страхом.

«В половине седьмого. Двадцать минут. Только о книге».

Ответ пришёл почти сразу: «Понял. Буду вовремя».

Марк постучал в шесть тридцать. Дверь мастерской была открыта, однако он остановился на пороге. Алиса кивнула на стул у противоположного края стола.

— Можно?

— Можно. Не ближе к столу, пока я не покажу, что именно нашла.

— Хорошо.

Он снял пальто и повесил его на крючок. На нём был тёмный свитер, волосы высохли после дождя. Алиса заметила у виска седую прядь, которую раньше не видела, и заставила себя посмотреть на книгу.

— Я закончила первичное обследование, — сказала она. — Корешок повреждён влагой, но тетради не рассыпались. Под поздней заплатой есть небольшой разрыв, его можно укрепить. Полная реставрация не обязательно нужна.

— Что бы ты сделала?

— Сначала сняла бы старый клей, укрепила сгиб и вернула корешку форму. Кожу можно сохранить. Но я не обещаю, что он снова будет выглядеть как новый.

— Я не просил сделать новым.

— Клиенты часто просят именно этого, даже если не произносят вслух.

Алиса подложила под книгу клин и раскрыла её на середине. Бумага раскрывалась неравномерно: ближе к началу страницы ложились ровно, в конце тома пружинили обратно. Она положила сверху узкую полоску кальки и отметила, где корешок начинал тянуть листы.

— Видишь, — сказала она, — если я только приклею кожу, напряжение останется внутри. Через несколько месяцев корешок снова отойдёт.

— Значит, лучше разобрать весь блок?

— Не обязательно. Я проверю швы. Если они целые, можно укрепить только повреждённые тетради. Если нет — остановлюсь и согласую дополнительную работу.

Марк посмотрел на раскрытый том, потом на смету.

— Я не хочу, чтобы ты делала лишнюю работу только потому, что это мой подарок.

— Я не делаю лишнюю работу. Я определяю, какая работа нужна книге.

— Звучит разумно.

— Это не значит, что ты должен соглашаться на всё, что я предложу.

— Понимаю.

— Тогда прочитай смету до конца.

Он снова взял лист. На последней странице Алиса указала предварительную стоимость и отдельно отметила, что окончательная сумма может измениться, если разойдутся внутренние швы. Марк задержал палец на строке о дополнительном согласовании.

— Ты всегда так подробно всё расписывала?

— Нет. Раньше я думала, что если объяснить человеку один раз, он запомнит. Потом поняла: ясность лучше добрых намерений.

Он не стал спрашивать, чему её научили эти годы. Перевернул лист, вернулся к первой странице и дочитал условия до конца.

Марк кивнул. Он держал руки на коленях, словно удерживал себя от желания потянуться к книге. Алиса подложила под том мягкую подставку и повернула его к нему.

— Посмотри на край. Видишь, где поднялась кожа?

Он наклонился. Между ними осталась ширина стола. Алиса включила лампу и направила свет на корешок. Марк провёл взглядом по линии надрыва, но не коснулся её.

— Это случилось после переезда? — спросила она.

— Да. Коробки стояли в помещении, где протекала крыша. Я заметил пятно, когда распаковывал их здесь. Остальное успел высушить, а корешок уже отошёл.

— Зачем ты хранил эту книгу в коробке?

— Я не хранил её отдельно. Она была среди моих вещей. Я забрал её с собой, когда уезжал, потом несколько раз переезжал. В какой-то момент перестал замечать, что она вообще со мной.

— А теперь заметил.

Он посмотрел на неё, потом снова на книгу.

— Теперь я снова в Петербурге. И решил, что если есть место, где её поймут, то это у тебя.

— Ты знаешь только, что я работаю реставратором.

— Я знаю, что ты не станешь менять корешок, если его можно сохранить.

Алиса не ответила. В этом было точное наблюдение, но оно не давало ему права на её доверие. Она перевернула страницу с рабочей карточкой.

— Вот состояние. Вот варианты. Я могу выполнить только укрепление, а могу разобрать корешок полностью и собрать заново. Первый вариант займёт около двух недель. Второй — дольше и будет дороже.

— Выбирай сама, — сказал Марк.

— Нет. Это твоя книга.

Он слегка подался вперёд, но остановился, увидев, что Алиса не убирает ладонь с карточки.

— Я хотел сказать, что доверяю твоему решению как реставратора. Но решение о полном объёме всё равно за мной.

— Именно.

Она протянула ему лист с оценкой и сметой. Он прочёл её полностью, не пропуская мелкий текст. На последней строке стояло: «Не гарантируется восстановление первоначального вида». Марк взял ручку, но прежде чем подписать, спросил:

— Если я соглашусь только на укрепление корешка, ты не будешь считать, что я мешаю тебе сделать работу правильно?

Алиса задумалась. Никто не задавал ей такой вопрос раньше. Обычно заказчики или соглашались с ней, или спорили, что их личная вещь должна подчиняться эстетическому результату.

— Я скажу, если выбранный вариант опасен для книги. Здесь он не опасен. Он просто оставит след прежнего повреждения.

— Тогда укрепления достаточно.

Он поставил подпись и указал дату. Алиса проверила, что подпись совпадает с именем владельца, и убрала заказ-наряд в папку.

Алиса внесла в журнал контрольную точку: при снятии корешка проверить нити у третьей тетради и состояние клеевого слоя у форзаца. Она проговорила шаги вслух не для Марка, а чтобы самой удостовериться, что ничего не упустила. Он слушал, не перебивая.

— Можно я посмотрю на шов? — спросил он.

— Я покажу, но не трогай бумагу.

— Хорошо.

Она подвинула лампу, и Марк придержал её основание, чтобы она не качалась. Они не коснулись друг друга; между его пальцами и её рукой оставалось несколько сантиметров. Алиса показала тонкую линию прежнего клея и место, где ткань удержала корешок после первого повреждения.

— Если я сниму это сейчас, листы останутся без опоры, — сказала она. — Поэтому сначала укреплю сгиб временной лентой, потом открою корешок.

— Ты всегда сначала говорила, что может пойти не так.

— Потому что иногда именно это и происходит.

Марк убрал руку от лампы, но не отступил, пока Алиса не закончила измерение. Когда она кивнула, он отошёл к стулу. Уважение к расстоянию выглядело незаметным; всё же Алиса заметила его сильнее, чем аккуратно подписанную смету.

— На следующей неделе пришлю промежуточный снимок, — сказала она. — Если появится что-то неожиданное, остановлюсь и напишу. Ничего не буду менять без согласования.

— Хорошо.

Алиса перелистнула страницу и достала из-под защитной бумаги сухой кленовый лист. Он лежал между тетрадями и сохранил форму, но края стали почти прозрачными. На одном из изгибов держалась крошечная частица золотой пыли от переплёта.

Марк задержал дыхание.

— Ты помнишь его? — спросил он.

— Помню, что он был в книге.

— Это всё, что осталось от того дня.

— Не всё. Ты помнишь день. Я тоже.

Он смотрел на лист, не приближаясь. Алиса положила рядом прозрачный лист нейтральной бумаги, чтобы показать, как сохранит находку отдельно от переплёта.

— Я не буду вклеивать его обратно. Он может повредиться от влаги и клея.

— Понимаю.

— Я верну его тебе в защитном конверте.

— Спасибо.

Она хотела сказать, что лист принадлежит ему. Но бумага оказалась между страницами книги, которую он принёс ей. Пока она не решила, что значит эта находка теперь.

Марк опустил руки. В полумраке у него было такое же спокойное лицо, как раньше, когда они спорили о книгах и зданиях. Алиса вдруг вспомнила его ладонь у себя на запястье — не сам жест, а короткий вес прикосновения, который когда-то мог успокоить её быстрее слов. Она перехватила лопатку и вернулась к карточке.

— Я буду работать над книгой, — сказала она. — Это всё, о чём мы договорились сегодня.

— Да.

— Никаких неожиданных визитов.

— Я напишу прежде, чем просить о встрече.

— И не жди ответа сразу.

— Не буду.

Он не просил её смягчить правило и не пытался найти в нём приглашение. Напряжение в плечах немного ослабло; Алиса не стала придавать этому большего смысла.

— Ты вернулся надолго? — спросила она, прежде чем успела остановить себя.

Марк посмотрел на неё. Вопрос был не о книге, и он это понял.

— Пока у меня контракт на обследование квартала. До весны. Потом не знаю.

— Это честный ответ.

— Другого у меня нет.

Тишина между ними не стала удобной, но перестала быть пустой. За окном проехал трамвай, свет его фар прошёл по потолку и исчез. Алиса взяла конверт с письмом, лежавший в защитном лотке, и убрала в отдельную папку.

— Письмо останется у меня, пока я не решу, как с ним поступить.

— Понимаю.

— Не говори, что понимаешь, если не знаешь, что я чувствую.

— Тогда скажу иначе: я не буду забирать его без твоего согласия.

Она кивнула.

Марк надел пальто, застегнул одну пуговицу и снова остановился у двери.

— Алиса, я рад, что ты согласилась хотя бы на разговор о книге.

— Это был разговор о книге.

— Да.

Он вышел. Она дождалась, пока шаги стихнут, и закрыла дверь. На рабочем столе остался документ с его подписью, а на подставке — зелёная книга, корешок которой она укрепит только в согласованном объёме.

Через минуту телефон завибрировал. Марк написал: «Спасибо за точную оценку. Пришли, пожалуйста, копию сметы, когда будет удобно». Алиса прикрепила фотографию документа, проверила, что на снимке читаются и цена, и ограничение объёма, и отправила. Ответа не последовало. Это было правильно: договор не нуждался в утешении или продолжении разговора.

Она всё же открыла переписку, чтобы убедиться, что не оставила в тексте двусмысленность. «Начну укрепление после стабилизации книги» — звучало как обещание точного срока, которого она ещё не могла дать. Она набрала: «Перед началом работы сообщу дату. Если внутренние швы потребуют дополнительного вмешательства, остановлюсь и согласую его отдельно». Прочла дважды и отправила. Марк поставил отметку о прочтении, не добавив ничего.

Алиса положила телефон в ящик стола. Некоторое время слушала, как остывает лампа и шумит в батарее вода. Встреча не принесла облегчения, которое можно было бы назвать примирением. Она дала ей подписанную смету, новую задачу и доказательство, что Марк способен услышать слово «нет» без попытки превратить его в торг. Для этого было достаточно.

Она закрыла мастерскую, но у двери вспомнила о влажности в шкафу для стабилизации. Вернулась, проверила гигрометр и записала показание в лист наблюдений. Зелёная книга должна была провести там ещё сутки; торопиться означало бы повторить ошибку, из-за которой повреждение стало заметным. Алиса переставила подставку подальше от стены, оставила дверцу приоткрытой на нужную ширину и отметила время следующей проверки. Только после этого выключила верхний свет.

В коридоре она задержалась у окна. На стекле дрожали отражения фонарей, похожие на короткие золотые штрихи на тёмной воде. В кармане пальто лежал телефон с перепиской, которую она не собиралась перечитывать по дороге домой. Она проверила расписание завтрашних заказов и увидела имя Софьи. Утром нужно было заехать в лавку и разобраться с очередной хозяйственной задачей. Ответ можно будет подготовить спокойно, без Марка и без старой истории.

Позже вечером Софья прислала фотографию уведомления от городского комитета. «До конца месяца нужно подтвердить ширину эвакуационного прохода», — написала она. Алиса сохранила снимок и ответила, что утром приедет измерить стеллаж.

Только потом она заметила приложенную Софьей фотографию: коробки с новыми поступлениями стояли у задней двери, прямо на линии прохода. Софья добавила: «Курьер привёз всё раньше. Не успела разобрать». Алиса набрала ответ, что коробки нужно убрать немедленно, но остановилась. Одного замечания было мало: если убрать их к стене, проход всё равно окажется уже нормы.

Она открыла планировку лавки, которую Софья когда-то присылала для оценки стеллажей, и увеличила участок у выхода. На плане проход выглядел шире, чем на фото. Возможно, старый шкаф сдвинули после ремонта; возможно, план никогда не обновляли. Алиса написала: «Пока ничего не переставляй. Я измерю утром и привезу рулетку. Если проход уже нормы, будем искать решение вместе». Софья ответила сердечком, затем: «Я знала, что ты не ограничишься цифрой».

Алиса отложила телефон. Это была другая ответственность: не подписать чужое решение за другого человека, но и не оставить его один на один с проблемой. Утром она спросит, сколько коробок можно временно перенести в подсобку, и измерит путь от входа до выхода при открытых дверях. Ни один из этих шагов не зависел от Марка.

На столе рядом с карточкой заказа лежал кленовый лист. Он уже не был обещанием, но пока оставался частью истории, которую ни один из них не умел рассказать целиком.

5. Магазин на Литейном

Утром одиннадцатого октября Алиса приехала к Софье с рулеткой, блокнотом и термосом кофе. На Литейном ветер загонял под арку мокрые листья; один прилип к двери лавки и расползся от дождя, когда Алиса потянула ручку. Внутри пахло пылью, мокрой шерстью и яблоками — Софья поставила на прилавок пакет из соседней булочной.

— Я принесла рулетку, — сказала Алиса, снимая шарф.

— А я принесла пирожки. У каждой свои инструменты.

Софья поставила чайник. Улыбка у неё получилась привычной, но взгляд всё время возвращался к стопке коробок у задней стены. Алиса оставила пальто на крючке и достала рулетку.

— Сначала посмотрим на проход.

— Конечно. После вчерашнего фото я убрала новые коробки с линии прохода.

— Вчера ты сказала, что курьер привёз коробки раньше.

— Новые теперь в подсобке. Здесь остались две старые коробки, я ещё не успела их разобрать.

Алиса оглядела зал. Две старые коробки стояли у двери в подсобку; новые, с вчерашней фотографии, Софья убрала внутрь. Сама дверь открывалась не полностью: край упирался в тележку для книг. Между тележкой и ближайшим стеллажом оставалась узкая полоса, а у кассы её сужала корзина с распродажными открытками.

— Софья Андреевна, пройдёмте вместе от входа к задней двери.

— Я хожу так каждый день.

— Именно поэтому перестаёшь замечать, где приходится поворачивать плечо.

Софья ничего не ответила, но отодвинула корзину ногой. Алиса попросила её вернуть корзину на прежнее место. Затем они прошли по очереди: сперва Софья, потом Алиса с блокнотом в руках, как будто держала папку. На повороте обе задели рукавом выставленные книги.

Алиса отметила ширину в трёх точках. Не потому, что собиралась подменить собой специалиста по безопасности: уведомление требовало подтвердить фактическое состояние, а схема в приложении была старой. Она записала размеры, сделала снимки от входа, из середины прохода и у задней двери, отдельно отметила тележку и коробки.

Она положила рядом распечатку старой схемы. На ней дверь открывалась наружу, а на деле — внутрь, занимая часть прохода. Алиса обвела расхождение красным карандашом: специалисту нужно будет проверить не только ширину между полками, но и траекторию двери.

— Если я перенесу открытки на кассу, станет лучше? — спросила Софья.

— На полшага. Но проход всё равно зажат у стеллажа. И тележка мешает двери открываться.

— Тележка временная.

— Временная вещь не перестаёт мешать только потому, что она временная.

Софья поджала губы, потом взяла тележку за ручку. Алиса не стала помогать сразу. Дала ей попробовать самой, и старое колесо громко скрипнуло. Тележка сдвинулась, но остановилась у коробок.

— Я могу разгрузить её, — предложила Алиса.

— Не надо. Здесь моя работа.

Софья наклонилась, сняла верхнюю коробку, поставила её на пол и вытащила тележку к прилавку. Под коробкой лежал свёрнутый рулон упаковочной бумаги. Он сполз, зацепил полку и уронил три книги. Алиса поймала одну, вторую подхватила Софья, третья легла на пол обложкой вниз.

Они одновременно потянулись к ней и остановились. Софья выпрямилась первой.

— Вот видишь. Я справилась.

— Вижу. И вижу, что коробку нельзя ставить там, где придётся наклоняться к ней в проходе.

— Я знаю, что ты хочешь сказать.

— Не знаю. Я пока ничего не сказала.

Софья подняла книгу, стряхнула с обложки пылинку и положила её на прилавок.

— Ты говоришь так же, как в мастерской. Всё можно измерить, подписать, разложить по ящикам.

— Иногда измерение помогает увидеть, что решение уже принято за тебя.

Софья отвернулась к чайнику. Вода ещё не закипела. Она проверила выключатель, хотя лампочка горела.

Алиса положила рулетку на прилавок и не стала продолжать. В лавке нужно было решить, где хранить поступления, но этот вопрос давно уже не был только про коробки.

— Ты сказала вчера, что знала о просьбе Марка, — произнесла она. — Что он просил не говорить мне, где он.

Софья замерла, держа в руке чашку.

— Да.

— Ты могла не соглашаться.

— Могла.

— И могла сказать мне, что он просил. Я бы сама решила, что делать с этой просьбой.

— Ты была тогда совсем одна, — сказала Софья. — Я думала, что если скажу, ты снова начнёшь ждать.

— Я уже ждала. На вокзале.

Софья опустила чашку. Фарфор коснулся блюдца слишком громко.

— Я знаю.

— Нет. Ты знала, что я ждала. Это не одно и то же.

Слова вышли тише, чем Алиса рассчитывала. Она смотрела на мокрый след от чашки, не на Софью. Под стеклом прилавка лежали старые открытки Петербурга: канал, мост, дом с лепными атлантами. На каждой картинке город был целым и неподвижным.

— Я не просила тебя защищать меня от правды, — сказала Алиса. — Я просила быть рядом.

— Я думала, что это одно и то же.

— Теперь ты знаешь, что нет.

Софья села на табурет за кассой. Для неё он был низким, и колени сразу поднялись выше края прилавка. Она сняла очки, протёрла их салфеткой и надела снова.

— Ты хочешь, чтобы я рассказала всё, что помню?

— Я хочу, чтобы ты не выбирала за меня, какую правду мне можно выдержать.

— Даже если я считаю, что она причинит тебе боль?

— Особенно тогда.

Софья прижала ладонь к краю прилавка. Алиса видела, как под кожей побелели костяшки.

— Я не обещаю, что больше никогда не ошибусь, — сказала Софья. — Но обещаю спрашивать.

— И отвечать, если я спрашиваю.

— Да.

Алиса кивнула. Она не почувствовала, что всё стало хорошо. Зато между ними появилось точное условие, которое можно было проверить поступком. Не прощение, не отмена прошлого. Условие.

Чайник щёлкнул. Софья налила воду и придвинула Алисе чашку. Её рука дрогнула, когда она поставила блюдце, но она не извинилась за это. Алиса не стала делать вид, будто не заметила.

— Давай решим с проходом, — сказала она.

Софья достала из ящика копию уведомления. Бумага была сложена вчетверо, на сгибах проступили серые линии. В письме просили до конца месяца представить актуальную схему и обеспечить свободный доступ к выходу; если фактический проход не соответствовал требованиям, требовался проект перестановки и повторное обследование. Никакого предписания закрыть лавку пока не было, но в конце письма указывалась дата, до которой нужно было ответить.

— Я уже позвонила в комитет, — сказала Софья. — Выезд специалиста назначили на 27 октября. Если не успеем подготовить схему, осмотр всё равно проведут, только без наших пояснений.

— Это лучше, чем молчать до последнего дня.

— Я не молчала. Я пыталась понять, что делать.

Алиса подняла взгляд.

— Ты позвонила сама?

— Вчера. После того как получила фотографию от управляющей компании. Сказала, что запрошу консультацию.

Это была новая деталь, маленькая, но важная. Софья не стала ждать, пока Алиса возьмёт задачу на себя. Она уже сделала первый шаг.

— Тогда у нас есть время подготовиться, — сказала Алиса. — Но сначала нужно убрать то, что мешает пройти сейчас. Потом — получить актуальный план помещения. Я могу измерить и начертить схему, но заключение по безопасности должен дать специалист.

— Марк мог бы… — начала Софья и замолчала.

Алиса закрыла блокнот.

— Не проси его через меня.

— Я только хотела сказать, что он архитектор.

— Он занимается сохранением зданий, но это не делает его специалистом по эвакуационным нормам. И он не должен становиться решением по умолчанию только потому, что пришёл в мою жизнь раньше этой проблемы.

Софья посмотрела на неё внимательно, не споря.

— Ты права. Я позвоню инженеру, которого советовал управляющий.

— Хорошо. После осмотра попроси специалиста указать, какие именно замеры нужны для схемы. Я помогу её подготовить, когда ты решишь, какие стеллажи готова передвинуть.

— А если я не хочу ничего передвигать?

— Тогда мы обсудим, что это значит для лавки. Но решение будет твоим.

Софья поднялась и подошла к стеллажу у задней двери. Провела ладонью по верхней полке, будто оценивая, сколько книг на ней умещается. Здесь стояли справочники и альбомы, которые редко покупали, но Софья не хотела отправлять их в склад.

— Если убрать этот стеллаж, потеряю почти метр полезной длины полок.

— Можно поставить его в подсобке, если там выдержит стена. Но сперва нужно проверить размеры и нагрузку. А коробки с новыми книгами должны уйти из прохода сегодня.

— В подсобке уже нет места.

— Значит, часть поступлений придётся разобрать и часть вернуть поставщику или временно хранить в другом месте.

— Я не хочу возвращать книги.

— Тогда придётся найти пространство. У меня в мастерской есть свободная полка, но только до конца недели. Она не склад и не должна стать постоянным решением.

Софья медленно кивнула. Алиса понимала, что предложила не бесплатный способ закрыть проблему, а короткую отсрочку. В мастерской действительно было место, но его занимали заготовки для двух заказов. Если коробки задержатся, ей придётся передвинуть материалы и изменить собственный рабочий график.

— Я не хочу ставить твои материалы под угрозу из-за своих коробок, — сказала Софья.

— Тогда давай разберём их здесь. Ты оставишь только то, что можно безопасно разместить, а остальное договоришься забрать.

— Поставщик не любит, когда меняют заказ.

— Ты уже сказала, что хочешь сохранить лавку. Иногда это значит говорить поставщику то, что ему не понравится.

Софья улыбнулась уголком рта.

— Ты стала строже.

— Я стала точнее.

Софья взяла со стола телефон, нашла номер поставщика и остановилась перед вызовом.

— Если они не заберут альбомы, я не знаю, где их держать.

— Мы можем освободить узкую полку в подсобке, если проверим, что она закреплена. Но это временно.

— А если попросят оплатить повторную доставку?

— Тогда решишь, что для тебя дешевле: доставка или риск не пройти проверку.

Софья посмотрела на Алису, как будто ждала, что та предложит оплатить разницу или сама позвонит. Алиса не потянулась к телефону. Это было не равнодушие; она оставляла Софье право выдержать последствия своего решения.

Софья нажала вызов. Пока шли гудки, она расправила лежавший рядом счёт и провела пальцем по сумме. Когда ответили, голос её стал деловым.

— Добрый день, это Софья Андреевна, букинистическая лавка на Литейном. Я хотела бы изменить вчерашнюю поставку… Да, два альбома нужно вернуть. Остальные книги оставьте. Нет, дело не в качестве. У нас проверка прохода, и мне нужно освободить место.

Она выслушала ответ, медленно кивнув, хотя собеседник не мог её видеть.

— Повторная доставка за мой счёт? Понимаю. Тогда заберите оба альбома в пятницу, 16 октября, а по остальному пришлите накладную сегодня. Спасибо.

Софья завершила звонок и положила телефон рядом с чашкой. На лице не было облегчения — только усталость человека, который уже не может притвориться, будто решение можно отложить.

— Доставка будет стоить почти как один альбом, — сказала она.

— Зато проход освободится.

— Да. И я не буду думать об этом ночью.

Они начали с коробки на полу. Софья вскрывала упаковку, Алиса записывала названия и отмечала, какие книги можно поставить на полку без дополнительной опоры. У двух тяжёлых альбомов переплёт был массивным, и они не подходили для верхнего ряда. На одном томе обнаружилась вмятина на углу; Софья отложила его для разговора с поставщиком.

Работа заняла почти час. За это время в лавку вошёл мужчина в мокрой куртке и спросил старый путеводитель по Васильевскому острову. Софья нашла нужное издание, назвала цену и даже предложила более позднюю версию, где были отмечены закрытые проходы. Она говорила с покупателем легко, и Алиса вдруг увидела, почему Софья столько лет держалась за каждый стеллаж: лавка была не собранием полок, а способом помнить город вместе с другими.

Покупатель сначала выбрал старый путеводитель, но, услышав цену, начал перелистывать его наугад. Софья не стала уговаривать. Она показала, где в издании отмечены переименованные улицы, и предложила посмотреть книгу в читальном уголке, прежде чем покупать. Мужчина провёл пальцем по карте, нашёл нужный ему переулок и усмехнулся: там теперь

стояла кофейня, где его дочь ждала после школы. Он купил оба издания, но попросил завернуть отдельно. Софья достала бумагу из ящика, не из новой коробки; на полке остались только книги, которые не мешали проходу.

Когда покупатель ушёл, Софья посмотрела на коробки.

— Я уже попросила забрать два альбома в пятницу. За повторную доставку заплатит лавка, а остальные книги привезут после осмотра.

— Это может стоить тебе доставки.

— Знаю.

— Я могу помочь составить письмо.

— Нет. Я сама объяснила поставщику, почему меняю заказ. Не хочу, чтобы кто-то говорил за меня.

Алиса убрала блокнот в сумку. Софья приняла решение, которое имело цену: она рисковала отношениями с поставщиком и возможной оплатой доставки, чтобы не забивать проход. Это был её выбор. Алиса не стала его присваивать.

— Тогда я пришлю тебе размеры и фотографии сегодня вечером, — сказала Алиса. — Не план перестановки, только то, что мы измерили.

Алиса надела пальто. На этот раз разговор закончился не объятием и не обещанием, что всё будет как раньше. Софья проводила её до двери и придержала створку, чтобы та не ударилась о коробки.

На улице дождь стал мелким и почти невидимым. Алиса переслала себе фотографии прохода, проверила, что на снимках видны показания рулетки, и записала в календарь: до 27 октября — получить план помещения, запросить стоимость инженера, повторно измерить после освобождения прохода. В отдельной строке она написала: «Не обещать проект до решения Софьи».

Софья сама оплатила возврат альбомов; в пятницу, 16 октября, их должны были забрать. Эти расходы придётся вычесть из выручки недели, и Софья уже перенесла оплату поставщику бумаги на понедельник. Она сказала об этом без жалобы, просто сверяя цифры в блокноте у кассы. Алиса не предложила занять ей деньги: решение, которое Софья приняла сама, должно было остаться её ответственностью. Она могла помочь измерить стеллажи, но не отменить цену выбора.

Алиса пошла к остановке. На Литейном автобусы шли медленно, собирая на стекле мутные отражения. Впереди было много работы, и ни одна из задач не требовала, чтобы Марк стоял рядом.

Уже у остановки она вспомнила о зелёной книге. Во второй половине дня нужно было проверить влажность и сделать снимок корешка. Она могла отправить Марку только состояние книги — не фотографию сухого листа. Лист пока оставался отдельной находкой, и решение о нём не относилось к смете.

Алиса открыла черновик сообщения и набрала: «Книга стабилизируется. Начало укрепления — после контрольного замера». Она перечитала фразу и добавила: «При изменении плана сначала согласую с тобой». Отправила, пока не успела превратить обычный рабочий статус в повод отложить.

Ответ пришёл через несколько минут: «Понял. Спасибо».

Алиса положила телефон в карман. Две короткие строки не возвращали прошлое и не отменяли будущих разговоров. Но в них было ровно столько, сколько они сейчас могли выдержать: работа, срок и право каждого знать, о чём именно договорились.

В мастерской она проверит показания гигрометра, внесёт их в карточку и только потом решит, можно ли начинать укрепление. Если срок изменится, Марк узнает об этом от неё, а не из случайной встречи. Такая простая последовательность не делала их близкими. Она делала договорённость надёжной.

6. Дом, который слушает

На следующее утро Алиса приехала на Литейный раньше Софьи. Вчерашний дождь смыл с тротуара листья, но у водосточной трубы всё ещё темнела мокрая полоса. Она остановилась у двери лавки и посмотрела вверх: желоб уходил за карниз, который со двора почти не был виден. Если вода стекала по стене, коробки у заднего прохода могли быть не единственной проблемой.

Софья открыла дверь, придерживая её плечом. В руках у неё была папка с бумагами и связка ключей.

— Я взяла план у управляющего, — сказала она. — Он старый, но другого у меня пока нет.

— Спасибо. Инженеру он пригодится.

— Я позвонила ему ещё раз. Он подтвердил выезд на двадцать седьмое, но попросил фотографии и описание того, что мы видим.

Алиса сняла шарф и прошла к задней двери. Новые коробки исчезли с прохода; старые стояли на тележке, теперь отодвинутой к стене. Софья вынесла их в подсобку, но дверь всё ещё не открывалась полностью.

— Тележку убрали, — сказала Софья. — А створка всё равно цепляет коробку с накладными.

— Значит, дело не только в мебели.

Они вместе передвинули коробку. Дверь раскрылась шире, но край задел штукатурку у проёма. На белой поверхности проступила тонкая тёмная линия, похожая на трещину, только у самого пола она терялась под плинтусом.

Алиса присела, провела взглядом вдоль линии и не стала касаться стены.

— Это давно?

— Не знаю. Я думала, царапина от тележки. В прошлом месяце здесь стояли ящики с бумагой.

Софья принесла настольную лампу. В боковом свете линия стала длиннее: она поднималась от плинтуса на ладонь, затем уходила за край наличника. На стене рядом проступили два желтоватых пятна.

— Я не буду называть это трещиной, пока специалист не посмотрит, — сказала Алиса. — Но сфотографирую и отмечу в сообщении инженеру.

— А если он скажет, что нужно закрыть лавку?

— Он ещё не сказал. Давай сначала выясним, что именно происходит.

Софья смотрела на пятно, а не на Алису.

— Мне кажется, стены стали влажнее после ремонта соседнего подъезда. Тогда меняли трубу, и рабочие оставляли лестничное окно открытым. Может быть, вода пошла с крыши.

— Это стоит записать как наблюдение, а не как причину.

Алиса сделала четыре снимка: общий вид, пятна, линию у проёма и дверь в открытом положении. Рядом положила линейку для масштаба, не прислоняя её к стене. Потом они прошли по залу и измерили проход после того, как коробки убрали. Ширина увеличилась, но дверная створка всё ещё сужала его, когда открывалась.

— Нужно ли звать Марка? — спросила Софья.

Алиса закрыла блокнот.

— Не от моего имени. Если тебе нужна его оценка, попроси сама. Я не буду устраивать встречу за него и за тебя.

— Я спросила, нужно ли.

— Для официального заключения — нет. Для предварительного взгляда на кладку и нагрузку полок архитектор может быть полезен, но только если это действительно нужно тебе.

Софья не ответила сразу. Она взяла телефон, открыла контакт управляющего и вместо вызова посмотрела на календарь.

— Он говорил, что Марк уже осматривал чердак для проекта дома. Может, знает, куда уходит водосток.

— Тогда спроси у управляющего, можно ли открыть чердак. А Марка я позову отдельно, если решу, что нужен именно его взгляд.

Софья кивнула. Она не стала настаивать, и Алиса почувствовала, как напряжение, появившееся у неё в плечах, постепенно отпускает.

— Хорошо. Я сначала уточню доступ и отправлю инженеру фотографии.

На этом разговор о Марке закончился. Софья пошла искать папку с квитанциями, а Алиса переписала измерения в чистый лист. В середине страницы она оставила место для комментария инженера. Ей не хотелось, чтобы предположения, сделанные утром, выглядели как выводы.

Пока Софья проверяла квитанции, Алиса снова сфотографировала пятно, положив рядом лист с датой и временем. Она записала, что утром стена казалась холодной, но не стала проверять её прикосновением: до осмотра инженера поверхность лучше было не трогать. В заметках оставила только наблюдаемое — цвет, высоту, близость к водостоку и положение относительно дверной коробки. Эти записи могли показаться излишними, пока не появлялась вторая фотография; потом именно они помогали понять, изменилось ли что-нибудь.

Софья вернулась с квитанциями и нашла в папке заказ на замену водосточной трубы двухлетней давности. На листе значились подрядчик и дата приёмки, но не было схемы, куда отвели воду.

— Управляющий сказал, что трубу прочистили, — сказала Софья. — Я тогда не стала просить акт.

— Попроси копию сейчас. Это не значит, что виноват подрядчик. Инженеру нужна история работ.

— Позвоню ему после обеда.

Алиса внесла номер заказа в блокнот и оставила после него пустое место для ответа. Софья сложила папку, но не убрала её в ящик. Теперь бумаги лежали рядом с уведомлением и календарём, где уже был отмечен 27 октября.

Через час пришёл ответ от специалиста: снимки получены, но по ним нельзя определить причину пятен или характер линии. Он попросил не закрашивать стену и не снимать наличник, пока не осмотрит помещение. Софья прочла сообщение дважды.

— То есть мы ничего не можем делать?

— Мы можем освободить проход, не прислонять к стене коробки и собрать даты, когда пятно появлялось. Но стену пока не трогаем.

— А если вода продолжит идти?

— Тогда нужно будет вызвать аварийную службу управляющего. Сейчас мы не знаем, что там за влажность.

Софья записала номер инженера на полях уведомления. Под цифрами добавила: «не красить до осмотра». Алиса заметила, что почерк у неё стал крупнее.

— Я позвоню управляющему насчёт чердака, — сказала Софья. — И попрошу посмотреть водосток с улицы.

— Хорошо. Я могу помочь собрать фотографии по датам.

— Ты уже помогла.

Алиса не стала отвечать. Они договорились встретиться позже, когда Софья получит копию плана и ответ от управляющего. На улице Алиса открыла контакт Марка. Решение

попросить его о предварительном взгляде она приняла сама; Софья не писала ему и не просила посредничать. Алиса набрала: «Софья рассказала, что ты осматривал чердак этого дома. У задней стены появилось пятно, у проёма заметна линия. Можешь завтра посмотреть кладку и сказать, что видишь как архитектор? Понимаю, что это не заменит инженера».

Ответ пришёл через минуту: «Могу. Но только предварительно; причину и безопасность должен оценить специалист».

Алиса прочитала ответ, отложила телефон и прошла до остановки. Её устраивала оговорка, но сама встреча должна была иметь ясные границы. Она набрала ещё раз: «Завтра в 11:30. Полчаса. В лавке, при Софье. Только предварительный осмотр стены и дверного проёма. Официальное заключение остаётся за инженером».

Марк ответил: «Согласен. Буду в 11:30».

На следующий день он пришёл ровно к назначенному времени. Софья была в лавке, за прилавком лежал план здания, а на дверной ручке висела табличка «Перерыв». Алиса открыла дверь сама, не оставляя её распахнутой.

— Заходи. Мы начнём у задней стены.

— Хорошо.

Марк снял пальто и дождался, пока Софья поздоровается. Он не спросил Алису, как она провела вечер, и не напомнил о книге. В руках у него были складной метр, небольшой уровень и планшет с планом дома. Никаких инструментов, которые могли бы повредить стену.

— Я посмотрел доступную документацию по общему корпусу, — сказал он. — Но здесь другая секция. Я не буду делать вывод по чертежу, пока не увижу помещение.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Всё, что мы знаем, записано здесь. Всё, чего не знаем, оставили пустым.

Она показала фотографии и план. Марк просмотрел их молча. На снимке пятно казалось темнее, чем при утреннем свете; он попросил открыть окно во двор, чтобы сравнить сторону стены с наружной кладкой. Софья принесла ключ от задней двери.

Они прошли в тесный двор. Внизу стены темнела полоса сырости, выше шёл водосток, который скрывался под карнизом. На изгибе трубы виднелся след ржавчины. Марк сфотографировал соединение, но не прикоснулся к нему.

— Это может быть связано? — спросила Софья.

— Может. Но по цвету нельзя сказать, течёт труба или на неё попала вода с крыши. Управляющий должен проверить соединения. А инженер осмотрит стену изнутри.

— Ты можешь сказать, что она не опасна? — спросила Алиса.

Марк повернулся к ней. Вопрос прозвучал прямо, и она не жалела, что задала его.

— Нет. Я могу сказать только, что не вижу явного смещения в этом участке и что линия не выглядит свежей по краям. Но это не экспертиза. Если я сейчас скажу больше, это будет не знание, а уверенность без основания.

Он произнёс это без самозащиты. Алиса отметила в блокноте: «Марк: визуально явного смещения не наблюдает. Не заключение».

— Мне нравится, когда в записи есть границы, — сказала она.

— Я заметил.

В его голосе не было насмешки. Она перевела взгляд на планшет, где он разложил план этажа. В масштабе были отмечены колонны и несущие стены, но место дверного проёма не совпадало с тем, что Алиса увидела утром.

— Вот почему старая схема неверная, — сказала она. — Здесь дверь открывается внутрь.

— Возможно, её перевесили. Если петли перенесли, это не значит, что изменили проём. Но ширину и траекторию надо измерить отдельно. Я могу показать, где проверить на плане, а специалист по пожарной безопасности подтвердит норматив.

— Не надо оптимизировать полки, пока не получим заключение.

— Согласен. Сейчас только фактические размеры и видимое состояние.

Марк присел у стены и приложил уровень к наличнику, не касаясь повреждённого участка. Алиса держала фонарь. Софья смотрела на их руки и на линию инструмента, словно пыталась прочесть результат раньше, чем он появится.

Марк сделал два снимка: на высоте пола и у верхней кромки пятна. Алиса записала расстояние от угла до наличника; потом добавила, что его мог сместить старый ремонт. Марк взглянул на запись и коротко кивнул.

— Ты не хочешь оставлять даже вероятное объяснение без пометки? — спросил он.

— Вероятное объяснение тоже потом кто-нибудь может прочесть как доказанное.

— Архитектурные отчёты от этого становятся длиннее.

— Зато короче список сюрпризов.

Софья тихо усмехнулась. Марк улыбнулся, но быстро вернулся к плану. Алиса не почувствовала, что должна поддержать разговор, и отметила время снимка. В рабочем процессе между ними оставалось место для шутки, но она не превращалась в обещание другого рода.

— Наличник слегка уходит внутрь, — сказал Марк. — Но это может быть старый перекос дерева. Сам по себе он не объясняет пятно.

— Значит, нам всё равно нужен инженер, — сказала Софья.

— Да.

Он снял размеры проёма и расстояние от края стеллажа до двери. Алиса записывала числа, Софья диктовала, сколько книг стоит на соседней полке. Тяжёлые альбомы они временно сняли на нижний уровень, не меняя расположение самого стеллажа. Марк помог перенести два тома только после того, как Софья сама попросила его взять один.

— Вот это можно оставить? — спросила Софья, указывая на шкаф у стены.

— Я не могу ответить до проверки креплений и пола, — сказал Марк. — С виду он не наклонён, но полки загружены неравномерно. Если вы хотите использовать его до проверки, лучше снять верхние тяжёлые книги и поставить их ниже.

— Это мы можем сделать сегодня, — сказала Алиса. — Без сверления и без передвижения шкафа.

Софья посмотрела на полки, выбрала несколько альбомов и начала переставлять их. Не попросила Алису решить за неё, какие издания важнее. Она сама оставляла редкие книги внизу и переносила справочники на более доступную полку.

Один альбом оказался слишком широким для нижнего ряда. Софья держала его раскрытым и долго сравнивала иллюстрации с этикеткой на корешке.

— Этот нужен в витрине. Его чаще всего спрашивают перед праздниками.

— Тогда не обязательно ставить его сюда. Можно снять с верхней полки соседние тома и оставить свободное место.

Софья переставила книги, но у края осталась пустота, нарушившая привычную симметрию. Она провела пальцем по пыльной полосе.

— Я всегда выставляла их по размеру.

— Сейчас важнее распределить вес и освободить дверь. К симметрии вернёшься, когда специалист проверит крепление.

Софья закрыла альбом и поставила его на нижнюю полку, не убирая этикетку. Решение было временным, но впервые за утро она перестала смотреть на него как на потерю места.

Осмотр занял двадцать семь минут. За оставшиеся три они вернулись к плану у прилавка. Марк указал, где в старой схеме могли перепутать внутреннюю и наружную дверь, и предложил не исправлять чертёж от руки, пока не приедет специалист. Софья записала это отдельно.

— Я отправлю управляющему фотографии водостока и попрошу открыть чердак, — сказала она. — А инженеру перешлю размеры и описание, не выводы.

— Я могу добавить короткую пометку о видимом состоянии, — сказал Марк. — Но только если тебе это нужно.

— Нужно. С пометкой, что это не заключение.

— Хорошо.

Алиса ощутила, как в груди возникло нечто похожее на прежнее доверие к его работе. Она не стала подменять этим доверием остальное. Сегодня он был архитектором, который обозначил предел своей компетенции и не попытался выглядеть незаменимым.

— Спасибо, — сказала Софья.

— Я пришлю сегодня.

Марк убрал метр и уровень в чехол. Перед тем как уйти, он посмотрел на Алису.

— Если понадобится ещё один замер, напиши.

— Если понадобится, я напишу.

Он кивнул и вышел. На этот раз Алиса не почувствовала необходимости следить, как он уходит. Она вернулась к листу измерений и проверила, что рядом с каждым числом указано место. Если кто-то откроет записи через две недели, он должен будет понять не только цифры, но и откуда они взялись.

Софья принесла ей чай. На столе рядом с чашкой лежали фотографии, план и список книг, перенесённых на нижние полки.

— Ты ему доверяешь? — спросила Софья.

Алиса посмотрела на строку «визуально явного смещения не наблюдает».

— Я доверяю тому, что он сегодня сделал. Это пока всё.

Софья кивнула, словно услышала не отказ и не обещание, а точный ответ.

Вечером инженер подтвердил, что 27 октября приедет вместе с представителем управляющей компании: это был тот же выезд, назначенный комитетом. Он попросил оставить доступ к задней двери свободным и не снимать отделку. Софья ответила ему сама и записала время визита в календарь.

Алиса отправила Марку короткое сообщение: «Спасибо за замеры и за то, что отметил предел оценки. Данные передали инженеру».

Он ответил: «Хорошо. Надеюсь, причина окажется простой».

Алиса не стала писать, что тоже надеется. Она закрыла блокнот и посмотрела на план, где рядом с дверью теперь стояло несколько дат и имён. Дом не говорил словами. Он отвечал влажным пятном, скрипом старой петли и линией, которую нельзя было назвать безопасной или опасной, пока никто не проверил её как следует.

Перед уходом она попросила Софью не прижимать коробки к стене и не закрывать пятно стеллажом. Софья повторила просьбу своими словами, чтобы не потерять ни одного условия: свободный проход, доступ к стене, фотографии до визита инженера. Алиса оставила ей копию измерений, а оригинал убрала в папку заказов. Теперь у тревоги был срок, у вопросов — адресат, а у лавки — план ближайших действий.

7. Даниил не спрашивает

Семнадцатого октября Алиса закончила работу раньше обычного: последняя книга на столе не требовала срочной операции, а Лида обещала закрыть мастерскую. Когда Алиса вышла на улицу, дождь уже перестал, но воздух пах мокрой штукатуркой и листьями, затянутыми в решётку ливнёвки.

Даниил написал ей за десять минут до закрытия: «Будешь сегодня у Кузнечного? Я там встречаюсь с человеком, могу проводить тебя до метро». Алиса ответила: «Я могу встретиться. Только не на бегу». Он прислал большой палец и время.

К рынку она подошла с пустой сумкой через плечо. Даниил стоял у входа, держа в одной руке бумажный пакет, в другой — старую камеру с потёртым ремнём. Он был в серой шапке, которую носил с тех пор, как они познакомились. Камера делала его похожим на человека, который в любой момент может остановиться и снять небо между домами.

— Ты опять снимаешь дома? — спросила Алиса.

— Сегодня нет. Сегодня я покупаю еду и пытаюсь не думать о работе.

— Получается?

— Я пока не покупал еду.

Он протянул ей пакет. Там лежали две груши и маленькая банка мёда.

— Это тебе.

— Почему?

— Потому что ты в прошлый раз сказала, что дома ничего нет, кроме хлеба и чая.

Алиса вспомнила: две недели назад, когда они обсуждали её заказ у Софьи, она между делом пожаловалась на пустой холодильник. Даниил запомнил. Он помнил такие мелочи почти безошибочно и редко требовал, чтобы за них благодарили.

— Я купила продукты вчера.

— Тогда груши не пропадут.

— Ты мог бы просто спросить.

— Мог бы. Но мне проще купить лишние две груши.

Она взяла пакет, но не позволила ему забрать её сумку. Даниил заметил движение, усмехнулся и убрал руку в карман.

— Я не собирался отбирать у тебя сумку.

— Знаю.

Они вошли внутрь. Кузнечный рынок шумел, но не глушил разговор: торговцы перекликались, покупатели спорили о цене яблок, металлические двери холодильников щёлкали одна за другой. Даниил предложил пройти вдоль фруктовых рядов и купить что-нибудь для ужина. Алиса остановилась у яблок, повернула одно в ладони, проверила кожицу.

— Ты так выбираешь книгу, — сказал он.

— Книги не нужно нюхать.

— Некоторые нужно.

— Это уже зависит от того, где они хранились.

Он рассмеялся, и привычный смех ненадолго вернул их к прежней лёгкости. Даниил выбрал четыре яблока, Алиса взяла ещё две груши для Софьи. Они спорили, какие лучше переживут дорогу, и продавщица предложила бумажный пакет, крепче того, что у Алисы уже был.

— Мне не нужно так много, — сказала Алиса.

— Это не «так много». Это шесть яблок и две груши.

— У меня дома уже есть еда.

— Тогда отвезёшь Софье.

Она посмотрела на него. Он не спрашивал про лавку, но знал, что у Софьи каждый день длиннее, чем ей хотелось бы признавать. Алиса почувствовала благодарность и одновременно знакомое раздражение: Даниил всегда успевал сделать то, о чём она не просила, а после не позволял ей считать это долгом.

— Давай я сама куплю фрукты, — сказала она. — Для себя и для Софьи.

— Конечно.

Она выбрала яблоки по одному, отдала продавцу деньги и убрала покупки в свою сумку. Даниил не настаивал, чтобы она взяла его пакет. Банку мёда он положил в карман куртки.

После рынка они вышли на улицу, где свет быстро тускнел под низкими облаками. Даниил направился к Садовой, но Алиса предложила пройти через Владимирский сквер и дальше к Фонтанке.

— У тебя встреча с кем-то? — спросила она.

— Уже была. Я встретился с редактором.

— Издательство?

— Архивный проект. Они собирают фотографии дворов и фасадов для нового каталога. В основном — оцифровка, подписи, проверка адресов. Четыре месяца в Пскове.

Алиса остановилась у газетного киоска.

— Ты уезжаешь?

— Ещё не решил. Они ждут ответ до понедельника.

— Ты раньше об этом не говорил.

— Я узнал только вчера. Сам не был уверен, что пройду отбор.

Он не звучал ни виновато, ни торжествующе. Просто сказал о работе, которая появилась перед ним и теперь требовала ответа. Алиса вдруг заметила, что он держит камеру за ремень, а не за корпус: прежде он никогда не выпускал её из рук, когда шёл по улице.

— Тебе хочется поехать? — спросила она.

— Да. И нет.

— Удобно.

— Мне страшно оставить привычное. Но если я останусь только потому, что привык быть рядом с тобой, это будет не дружба, а смена, которую я сам себе назначил.

Алиса услышала в этой фразе что-то слишком точное. Она остановилась. Люди проходили мимо, не замечая их паузы. Даниил посмотрел на неё, а потом на перекрёсток.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не хотел говорить это посреди улицы. Но мы всё равно должны поговорить.

— Сейчас?

— Если ты можешь.

Алиса посмотрела на время. Ей нужно было забрать в мастерской фартук, который Лида оставила на батарее. Это могло подождать. Она выключила экран телефона.

— Могу.

Они пошли медленнее. От рынка к Фонтанке путь проходил между домами, где в окнах уже зажигался свет. Даниил рассказывал о проекте: старые фотографии, адресные книги, подписи, которые противоречили друг другу. Его заинтересовали не только здания, но и люди, которых можно было найти по фамилиям в городских справочниках. Он хотел научиться собирать из снимка историю, не придумывая её за тех, кого уже нельзя спросить.

— Ты ведь давно этим занимаешься, — сказала Алиса.

— Снимаю — да. Но до сих пор относился к этому как к подработке. В редакции я делаю то, что нужно к сроку. А в Пскове работа связана с тем, что мне интересно самому.

— Поэтому ты подал заявку?

— Поэтому. И потому что там платят. Это тоже причина.

Даниил открыл на телефоне несколько снимков. На первом был двор с деревянной галереей, на втором — облупленная табличка над дверью, на третьем — женщина, стоявшая у окна с чашкой. Лица почти не было видно, зато отражение в стекле повторяло линию карниза.

— Эту ты тоже будешь включать в каталог? — спросила Алиса.

— Только если она согласится. Я снимал фасад, а потом она вышла спросить, зачем я стою напротив. Мы поговорили. Она сказала, что живёт здесь сорок лет и ни разу не видела, чтобы кто-то фотографировал именно этот дом.

— А ты спросил, можно ли оставить её в кадре?

— Да. Она разрешила, но не хочет, чтобы её имя печатали.

Алиса увеличила снимок. В отражении за женщиной виднелись книги, расставленные на подоконнике. Не деталь архитектуры и не декоративный фон — чей-то способ устроить жизнь там, где мало места.

— Тогда подпись должна быть только про дом, — сказала она.

— Я так и сделал. «Двор на улице…» — и адрес. Без истории про женщину.

— Хорошо.

Даниил забрал телефон, но оставил изображение открытым ещё несколько секунд. Он относился к чужому согласию внимательнее, чем к собственному желанию получить хороший кадр. Алиса давно знала, что он умеет слушать, но теперь увидела, что в своей работе он тоже не спешил превращать услышанное в материал.

— Хорошая причина.

— Я знаю. Просто иногда стыдно говорить, что творчество хочется делать за деньги.

— Не должно быть.

— Я прикинул, что потеряю, если соглашусь. Придётся отказаться от нескольких заказов здесь и на время отдать редактору часть своей постоянной смены. Но в Пскове оплатят жильё и архивную работу, а в выходные я смогу снимать своё. Это не отпуск и не побег, просто другой способ собрать год.

— Я думал, ты так скажешь.

Он улыбнулся. Алиса поймала себя на желании спросить, когда он собирался рассказать ей про отъезд и почему решил говорить сейчас. Но разница была существенной: он не уезжал тайком, не просил её ждать и не перекладывал на неё решение. Они были друзьями, и она не должна была требовать отчёта о каждом его плане. Даниил сам выбрал момент, чтобы рассказать.

У моста ветер поднял с воды холодный запах. Даниил убрал камеру под куртку и расстегнул воротник.

— Я хотел сказать ещё одну вещь. И потом не буду возвращаться к ней, если ты не захочешь.

— Хорошо.

Он опёрся на перила, но не посмотрел на неё сразу.

— Я давно тебя люблю. Не с прошлого месяца и не потому, что появился Марк. Давно.

Алиса не ответила. Мимо них прошла женщина с собакой; поводок натянулся, когда пёс потянулся к воде. Даниил дождался, пока шаги стихнут.

— Ты не обязана отвечать, — добавил он. — Я не говорю это, чтобы ты выбрала меня или объяснила, что будет дальше.

— Почему именно сейчас?

— Потому что я понял, что молчание тоже что-то делает. Я годами говорил себе, что ничего не прошу, значит, не имею права устать. Но я устал быть человеком, к которому ты приходишь, когда больше никому не можешь позвонить. Не потому, что ты использовала меня. Я сам согласился на такую роль и никогда не говорил, что она мне чего-то стоит.

Алиса почувствовала, как рука с пакетом стала тяжёлой. Она переставила его в другую руку.

— Я не знала, что ты так это воспринимаешь.

— Я и не давал тебе возможности знать.

Он рассказал об одном вечере в конце зимы. Даниил собирался в фотолабораторию забрать отпечатки, которые неделю сушились под прессом. Алиса позвонила ему из мастерской: замок на внутренней двери заел, а в помещении остались документы и дорогое оборудование. Он вернулся через весь город и помог открыть замок. Тогда он сказал, что всё равно был рядом, хотя на самом деле уже стоял у лаборатории.

— Я не жалею, что приехал, — добавил он. — Я бы приехал и сейчас. Но я понял, что каждый раз называю свои планы неважными, чтобы не произнести вслух, что мне важно быть нужным тебе.

Алиса вспомнила, как на следующий день принесла ему кофе, а он только пошутил, что теперь она должна ему новый замок. Она приняла шутку за конец истории. В его памяти вечер остался другим: не подвигом, не жертвой, просто выбором, о котором он молчал.

— Мне жаль.

— Мне тоже. Но это не твоя вина.

Он наконец посмотрел на неё. В его лице не было просьбы, которую она должна была бы удовлетворить. Было облегчение от того, что слова вышли наружу, и тревога от того, что теперь всё будет иначе.

— Я не могу предложить тебе того, чего ты хочешь, — сказала Алиса.

— Я не просил.

— И не хочу обещать, что однажды смогу.

— Не обещай.

— Ты важен для меня. Но я не люблю тебя так.

Даниил кивнул. Он чуть заметно сжал пальцы на ремне камеры, затем разжал их.

— Я надеялся услышать другое. Но лучше знать это, чем продолжать строить собственный ответ из твоих пауз.

— Я не хочу тебя потерять.

— Я тоже. Но сейчас мне нужно перестать быть человеком, который всегда доступен в любую минуту. Если у тебя будет беда — звони. Я не исчезаю. Только не хочу, чтобы наша дружба держалась на том, что я отменяю свои планы, а ты не замечаешь.

— Я замечала, когда ты отменял.

— Ты замечала действие. Но не знала, что я ждал от него чего-то взамен. Я не обвиняю тебя. Просто больше не хочу так делать.

Алиса посмотрела на пакет с яблоками. Он был тяжёлым, и ручка врезалась ей в ладонь.

— Давай я понесу, — сказала она. — Твои покупки.

— Это не нужно.

— Я знаю. Я просто хочу.

Даниил позволил ей взять пакет, но не стал отдавать камеру или свою куртку. Маленький обмен вещами не решал их разговор, но давал рукам занятие, пока оба искали следующий шаг.

— Ты поедешь в Псков? — спросила Алиса.

— Я отвечу до понедельника. Не хочу решать из обиды или из страха. На проекте мне дадут комнату, но я уже спросил, можно ли приехать на выходные до подписания договора. Хочу посмотреть, как они работают, и поговорить с человеком, который ведёт архив.

— Это разумно.

— Я не прошу тебя сказать, что я должен остаться.

— Я бы не сказала.

— Знаю.

Они дошли до небольшой кофейни. Даниил раньше часто заходил туда после редакционной смены, но сегодня не предложил зайти. Алиса остановилась у окна.

— Ты хочешь, чтобы мы перестали видеться?

— Нет. Я хочу, чтобы встречи перестали быть моим способом ждать ответа, которого ты не обещала.

— Тогда давай не будем делать вид, что после этого разговора всё останется как было.

— Договорились.

— Я не буду звонить тебе только потому, что мне страшно. Если захочу просто увидеться, я так и скажу.

— А я постараюсь не угадывать за тебя, что означает сообщение в одиннадцать вечера.

— И если ты не ответишь, я не решу, что ты меня наказываешь.

— Хорошо.

Даниил придержал дверь кофейни, но Алиса не вошла.

— Не сегодня, — сказала она.

— Ладно.

Он не попытался спросить почему. Они продолжили путь к остановке. На углу Даниил достал из внутреннего кармана конверт с приглашением на проект и показал ей, но не протянул.

— Я рад, что ты спросила про работу, — сказал он. — Я часто рассказываю тебе, как дела у других, и забываю сказать, что происходит со мной.

— Тогда рассказывай.

— Буду. Если уеду, напишу заранее. Не потому, что обязан отчитываться. Потому что ты мой друг.

— Я буду рада узнать, как прошло.

— Тогда я пришлю фотографии.

Автобус Алисы уже показался за поворотом. Она могла попросить Даниила подождать с ней ещё пять минут. Но внутри этой просьбы было бы слишком много того, о чём они только что договорились. Она посмотрела на него и сказала:

— Спасибо, что сказал прямо.

— Спасибо, что выслушала.

Она поднялась в автобус, нашла место у окна и увидела, как он отходит от остановки в другую сторону. Не одинокий, не наказанный, не потерянный. Просто человек, который теперь мог выбрать маршрут сам.

Дома Алиса положила груши на стол, сняла пальто и открыла календарь. В понедельник она должна была позвонить Лиде насчёт нового заказа и закончить смету для библиотеки. Между делами она добавила строку: «Написать Даниилу — спросить, как прошла встреча с архивом».

Она не поставила напоминание на воскресенье. Решила, что спросит тогда, если захочет, а не потому, что боялась потерять его раньше времени.

В телефоне вспыхнуло новое сообщение от Даниила: «Я дошёл. Спасибо за прогулку. И за то, что не пыталась сразу вернуть всё на прежнее место».

Алиса напечатала: «Я не знаю, как будет дальше. Но я услышала тебя».

Ответ пришёл не сразу. За окном ветер снова поднял листья, и они зашуршали по стеклу, как страницы, которые переворачивают осторожно, чтобы не порвать.

8. Неправильная реставрация

В понедельник, девятнадцатого октября, Марк написал Алисе, что получил доступ в соседнее помещение на Литейном. Управляющий собирался показать комнату владельцу здания и попросил его проверить размеры перед тем, как решать, что делать с бывшей подсобкой. Марк спрашивал, сможет ли Алиса зайти и посмотреть на неё как реставратор — не как будущая арендаторка. Если нет, он всё равно отправит план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.